

И. Б. Гаврилов

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ШЕВЫРЁВ О «РУССКОМ ВОЗЗРЕНИИ»

Статья посвящена философским воззрениям выдающегося русского мыслителя и ученого, профессора Московского университета Степана Петровича Шевырёва (1806–1864). В контексте интеллектуальной биографии философа раскрыты основные этапы и идейные источники его творчества, рассмотрено его участие в крупнейших периодических изданиях 1820–1840-х годов. Особое внимание уделяется взглядам философа на Россию, его пониманию «православно-русского» направления в отечественной мысли. Дан обзор наиболее важных его работ по этой тематике.

Ключевые слова: русская религиозная философия, интеллектуальная биография, С. П. Шевырёв, консерватизм, русское воззрение, русская идея, славянофильство, «Москвитянин», теория «официальной народности», Россия и Запад, русская словесность, народность, православно-русское направление.

«...В твоих беседах ожила
Святая Русь — и величава
И православна, как была,
В них самобытная, родная
Заговорила старина...»

Н. М. Языков

«Настало время действия для философии русской, и так как она ведет начало свое не из области наук естественных, а из сферы познания духа, неразделимого с верой, то на ней лежит обязанность и ей представлена возможность возратить права миру духовному и истинное значение тем вечным идеям человечества, которые отдельные народы проявляют в произведениях своего слова...»

С. П. Шевырёв

Еще при жизни личность и творчество Степана Петровича Шевырёва удостоивались прямо противоположных оценок: «прекрасная душа» (Н. В. Гоголь), «поэт с возвышенной душой», «чистый и пламенный Шевырёв» (Н. А. Любимов), «великий правдолюбец, идеалист, строго-православный и многостороннейше образованный» (П. И. Бартенев)

Игорь Борисович Гаврилов — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургской духовной академии (igo7777@mail.ru).

и — «московский скверноуст», «педант» (В. Г. Белинский), «низкопоклонник» (А. Н. Плещеев), «бездарный витязь фолиантов и букв», вся деятельность которого представляет «вечный промах» (Н. А. Добролюбов). В 1830–1850-е годы он находился в самом центре споров славянофилов и западников, консерваторов и либералов.

Начало научному изучению наследия С. П. Шевырёва сразу после его смерти положил ближайший соратник М. П. Погодин, написавший его первую биографию¹. Огромный биографический и фактический материал по эпохе деятельности Шевырёва и его сподвижников был собран историком и библиографом Н. П. Барсуковым². Наибольшее влияние на дореволюционную и советскую историографию оказали труды известного либерального историка общественной мысли А. Н. Пыпина, который отнес Шевырёва к основным представителям т.н. теории «официальной народности»³. Среди дореволюционных работ, авторы которых обращаются к философским характеристикам творчества Шевырёва, отметим исследования П. Н. Сакулина и Ю. М. Соколова⁴.

После 1917 года имя С. П. Шевырёва надолго исчезло из отечественной культуры и истории мысли, а если и упоминалось, то лишь в негативном ключе, как выразителя «николаевской реакции» и теоретика «официальной народности». Тем не менее, в 1930-е гг. вышли два содержательных издания — М. И. Аронсона и С. Н. Дурюлина. Издатель единственного поэтического сборника Шевырёва М. А. Аронсон выделил в его творчестве два этапа — ранний «прогрессивный», близкий к декабристскому движению, и поздний «реакционный», где Шевырёв выступает «гонителем» В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского и других «демократических» литераторов⁵. Очерк С. Н. Дурюлина был посвящен раннему этапу творческой деятельности Шевырёва и раскрывал его устремленность

¹ Погодин М. П. Отрывок из воспоминания о С. П. Шевырёве, читанного в заседании Общества любителей Российской словесности 17 января 1865 г. // Русский архив. Год третий (1865). Изд. 2-е. 1866. Стб. 1261–1269; Электронный вариант: Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/p/pogodin_m_p/text_1865_shevyrev_olderfo.shtml (дата обращения: 25.01.2016).

² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.

³ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. 4-е изд. СПб., 1909.

⁴ Сакулин Н. П. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1. Ч. 1; Соколов Ю. М. Грановский и Шевырёв // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 212–216.

⁵ Аронсон М. И. Поэзия Шевырёва // Шевырёв С. П. Стихотворения. М.; Л., 1939. С. V–XXXII.

к европейской культуре⁶. В 1960-е гг. Ю. В. Манн, хотя и продолжил идеологическую линию М. А. Аронсона, однако смог ввести в научный оборот содержательный материал из Шевырёвского литературно-критического наследия⁷. Некоторые философские и мировоззренческие вопросы эстетики Шевырёва 1820-х гг. исследованы в работах З. А. Каменского и Е. А. Маймина⁸. Начиная с 1990-х гг. отечественное литературоведение начинает активно обращаться к изучению литературной критики Шевырёва. Наиболее значительны работы В. М. Марковича, В. А. Мартынова, М. И. Медового, К. В. Ратникова, К. Ю. Лаппо-Данилевского⁹. Важные биографические аспекты деятельности Шевырёва рассмотрены в работах А. А. Ширинянца, К. В. Ратникова, Е. Д. Алексеевой, Е. Ю. Филькиной, Н. В. Цветковой и Ф. А. Петрова¹⁰. Наиболее ценными для раскрытия русской идеи Шевырёва оказались работы А. М. Пескова и Н. В. Цветковой¹¹.

Труды С. П. Шевырёва только в последнее десятилетие стали возвращаться к отечественному читателю¹². Среди его огромного творческого наследия — литературная критика, историософия, переводы, поэзия,

⁶ Дурьлин С. Н. Русские писатели у Гёте в Веймаре. Шевырёв и Гёте // Литературное наследство. М.; Л., 1932. Т. 4/6. С. 450–476.

⁷ Манн Ю. В. Молодой Шевырёв // Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М., 1969. С. 149–190.

⁸ Каменский З. А. Московский кружок любомудров. М., 1980; Маймин Е. А. Еще о Пушкине и «Московском Вестнике» // Пушкинский сборник. Псков, 1968.

⁹ Маркович В. М. Уроки Шевырёва // Шевырёв С. П. Об отечественной словесности. М., 2004. С. 8–56; Мартынов В. А. У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С. П. Шевырёва. М., 2013; Медовой М. И. «Вечно обязан Риму» // Шевырёв С. П. Итальянские впечатления. СПб., 2006. С. 5–46; Ратников К. В. С. П. Шевырёв и русские литераторы. Челябинск, 2004.

¹⁰ Ширинянец А. А. Степан Петрович Шевырёв // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 5–67; Петров Ф. А. С. П. Шевырёв — первый профессор истории российской словесности. М., 2005; Филькина Е. Ю. «Великий трудолюбец» // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин!.. М., 2009. С. 5–40; Цветкова Н. В. С. П. Шевырёв — критик, историк, теоретик литературы (1830-е годы). Псков, 2008; Ратников К. В. Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Поречье (Идеологическая стратегия графа С. С. Уварова и его единомышленников). Челябинск, 2006; Алексеева Е. Д. С. П. Шевырёв в общественной жизни дореформенной России. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2006.

¹¹ Песков А. М. У истоков философствования в России: Русская идея С. П. Шевырёва // Новое литературное обозрение. М., 1994. № 7. С. 123–139; Цветкова Н. В. О русской идее С. П. Шевырёва // Вестник Псковского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 5. С. 46–59.

¹² Шевырёв С. П. Итальянские впечатления...; Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин!..; Шевырёв С. П. Избранные труды...

лекции по истории древнерусской и европейской словесности и мн. др.¹³ Однако литературно-критическое наследие С. П. Шевырёва еще не стало предметом такого широкого изучения, как, например, творчество идейно близких ему современников А. С. Хомякова или И. В. Киреевского. Имя Шевырёва по-прежнему сопровождают ярлыки реакционера и мракобеса. И это обстоятельство придает анализу важнейших сторон литературного творчества философа особую актуальность.

Степан Петрович Шевырёв родился в Саратове в семье предводителя губернского дворянства, шестым ребенком. Он принадлежал к тому «древнему русскому коренному дворянству», в котором жила «преданность престолу, тесно связанная с его религиозным верованием и любовью к отечеству»¹⁴. В шестилетнем возрасте он читал «шестопсалмие за домашнюю всеобщую», «любил читать по-славянски Евангелие»¹⁵.

Будущий ученый и мыслитель получил хорошее домашнее образование и православное воспитание, с ранних лет знал церковно-славянский и немецкий языки, русскую литературу. Его любимыми писателями были Н. М. Карамзин, М. И. Херасков, А. П. Сумароков. В возрасте 12 лет он поступил в Благородный пансион при Московском университете, созданный М. И. Херасковым еще в 1779 г. С 1791 г. во главе пансиона находился заслуженный профессор А. А. Прокопович-Антонский, стремившийся воплотить в педагогической практике идеи нравственного воспитания. Будущий литератор участвовал в работе литературного общества, основанного еще В. А. Жуковским. По воспоминаниям воспитанников, «Русский язык был главным, любимым предметом в Пансионе», а русская литература почиталась как главная сокровищница образования, школа развития русского слога и вкуса¹⁶. Большое влияние на будущего философа оказали лекции университетских профессоров А. Ф. Мерзлякова, И. И. Давыдова, М. Г. Павлова. Мерзляков учил о необходимости научного подхода к литературе, о «поэзии, руководимой наукой», и предъявлял к литературной критике самые высшие требования. Давыдов, хотя

¹³ Подробная библиография С. П. Шевырёва в монографии: *Udolf Ludger. Stepan Petrovic Ševyrev (1820–1836). Ein Beitrag zur Entstehung der Romantik in Rußland.* Bohlau Verlag. Köln; Wien. 1986. Обширная библиография литературоведческих и литературно-критических работ ученого дана в кн.: *Шевырёв С. П.* Об отечественной словесности. М., 2004. С. 392–303.

¹⁴ *Погодин М. П.* Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве // *Шевырёв С. П.* Науки жрец и правды воин!.. С. 356.

¹⁵ Там же. С. 357.

¹⁶ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 215.

и считался эклектиком, тем не менее смог привить интерес к философии, которую считал первою среди наук, «основанием твердым и непоколебимым». Павлов, напротив, полагал, что философия без наук невозможна, и хотя преподавал физику, оказался главным проводником учения Шеллинга. Благодаря лекциям Давыдова и Павлова будущий мыслитель увлекается немецкой философией, особенно Шеллингом. В пансионе Шевырѐв подружился с кн. В. Ф. Одоевским и В. П. Титовым, начинающими литераторами, выразителями нарождающегося русского романтизма. «Религиозные вопросы, к которым так любили обращаться романтики, рано занимали Шевырѐва: еще в пансионе он читал Массильона и написал в подражание ему рассуждения „О бессмертии души“. Воззрения романтиков на искусство и умозрения немецкой философии входили в верования и убеждения пансионской и университетской молодежи»¹⁷. Увлечение немецкой философией продолжилось в Московском университете, куда Шевырѐв поступил вольнослушателем в 1823 г.

14 апреля 1823 г. Шевырѐв выступил с речью «О влиянии Поэзии и Красноречия на счастье гражданских обществ» на выпускном собрании воспитанников пансиона, где ему была вручена золотая медаль. В ней он уделил исключительное внимание философии, которая часто скрывается «под прелестными цветами поэзии»: «Какая наука являет нам все высокие образцы истины и блага в чертах более разительных и священных, как не Любомудрие? Оно определяет законы человека и природы; оно показывает взорам мыслящего все сокровенные тайны мироздания и объясняет человеку его истинное предназначение; оно, как солнце. Оживляющее всю сферу наук, изливает на них благодатный свет свой; где нет его, там все мрачно. Где не видим его действия? Воззрим ли мы на государства? Не оно ли их устроило? Воззрим ли на поэзию и красноречие? И здесь является Философия: возвышает дух, повергая в прах все чувственное»¹⁸.

В 1823 г. С. П. Шевырѐв входит в литературное общество поэта и переводчика С. И. Раича, где выступает с чтением своих стихов и переводов с греческого. Обществу покровительствовал московский

¹⁷ Тихонравов Н. С. Памяти Степана Петровича Шевырѐва, произнесено в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1865 года исправляющим должность адъюнкта Николаем Тихонравовым // *Шевырѐв С. П.* Науки жрец и правды воин!.. С. 383.

¹⁸ Опубликована в журнале «Вестник Европы», 1823, № 8 (Апрель). Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 213–214. В приводимых цитатах сохранена оригинальная авторская орфография и пунктуация.

генерал-губернатор князь Д. В. Голицын, а его членами были И. И. Дмитриев, М. И. Дмитриев, М. П. Погодин, Ф. И. Тютчев и многие другие.

Именно к этому времени исследователи относят «дружеское сближение» Шевырёва с Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875). Этот яркий литературный самородок был сыном дворового человека и внуком крепостного крестьянина и отличался большой житейской практичностью. Он хорошо дополнял возвышенно-поэтически настроенного Шевырёва. Впоследствии Погодин получил известность как профессор истории Московского университета (1826–1844), издатель, журналист, коллекционер, один из главных идеологов панславизма в 1850–1860-х гг. и пр. Впервые они познакомились еще в Благородном пансионе, где Погодин читал курс географии. Как отмечает Н. П. Барсуков, занятия двух друзей «вскоре так „переплелись“, что о них большею частью нельзя говорить раздельно»¹⁹. Действительно, союз двух ученых оказался необычайно стойким и плодотворным. Вместе они создавали три «учёно-литературных» журнала: «Московский вестник» (1827–1830), «Московский наблюдатель» (1835–1837), «Москвитянин» (1841–1856). Погодин, будучи шестью годами старше, искренне считал себя не только советником и помощником, но и руководителем своего товарища. Так, в своем «Дневнике» он с гордостью подчеркивал, что именно он познакомил Шевырёва с древностью, убедил «идти по ученой части» в университет, помогал с розыском старинных рукописей и пр.²⁰

Значительное воздействие на формирование мировоззрения будущего мыслителя оказало его участие в философском кружке Д. В. Веневитинова, получившего впоследствии в литературе название «Общества Любомудров». По замечанию одного из основателей кружка кн. В. Ф. Одоевского, его история — значительный и необходимый элемент в истории русской философской мысли. Вместе с Д. В. Веневитиновым, В. Ф. Одоевским, И. В. Киреевским, В. П. Титовым, Н. М. Рожалиным и Н. А. Мельгуновым Шевырёв становится одним из самых деятельных участников кружка. Помимо «философского кружка» существовало еще и «тайное общество», включавшее пять человек, в число которых Шевырёв не входил²¹.

¹⁹ Там же. С. 214.

²⁰ Там же. Кн. 7. С. 85.

²¹ В задачу данной статьи не входит определение степени участия С. П. Шевырёва в т.н. «обществе Любомудров». Этот вопрос подробно исследован в трудах В. С. Парсамова, Н. Н. Мазур, К. Ю. Рогова и др. См., напр.: Парсамов В. С. Дмитрий Владимирович

Хотя любомудры были младшими современниками декабристов, они представляли уже следующий этап развития русской мысли. Если движение декабристов отразило интерес к политике и значительное влияние французской политической традиции, то движение любомудров свидетельствовало об интересе к немецкой философии, прежде всего философии Шеллинга²².

В самом названии общества уже было заложено отталкивание от общепринятого образа «французского говоруна XVIII века», с которым у многих русских образованных людей ассоциировалось слово «философ». Как писал один из основателей общества кн. В. Ф. Одоевский, «...много ли таких, которые могли бы измерить, сколько велико расстояние между истинною, небесною философиею и философиею Вольтеров и Гельвециев?»²³.

В противоположность «ложному» просветительскому образу философа, «истинный любомудр» — это поэт, художник и музыкант, причем, по выражению кн. В. Ф. Одоевского, «философ и поэт — одно». Венцом истинного любомудрия является слияние поэзии с философией. Глава кружка Д. В. Веневитинов считал философию высшей поэзией, а «истинных» поэтов всех народов глубокими мыслителями, «венцом просвещения».

Специалист по истории русского шеллингианства А. М. Песков, выделяя принцип историзма как общую основу немецкой романтической историософии и русского любомудрия 1820-х гг., а также общее понимание будущей эпохи как синтеза поэзии и философии, отмечает более практическую направленность русского кружка, в котором на первый план выходят размышления о том, как принести пользу «для нашего народа, для России»²⁴.

Грандиозная задача, стоящая перед «истинными любомудрами» — изменить характер просвещения в России. Для осуществления

Веневитинов и кружок любомудров // Веневитинов Д. В. и любомудры. М., 2010. С. 5–74; Мазур Н. Н. Пушкин и «московские юноши». Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 54–105; Рогов К. Ю. К истории «московского романтизма»: Кружок и общество С. Е. Раича // Лотмановский сборник. М., 1997. Т. 2. С. 523–577.

²² Парсамов В. С. Дмитрий Владимирович Веневитинов... С. 5–74.

²³ Одоевский В. Ф. Секта идеалистико-элеатическая // Веневитинов Д. В. и любомудры. М., 2010. С. 328.

²⁴ Песков А. М. У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // Вопросы философии. М., 1994. № 5. С. 98.

этой цели любомудры и их глава Д. В. Веневитинов предлагали предпринять такие важнейшие действия: «совершенно остановить нынешний ход ее [России] словесности»; «устранить Россию от нынешнего движения других народов»; опираясь на твердые начала философии, представить ей [России] полную картину ума человеческого, картину, в которой бы она видела свое собственное предназначение»; «обратить особое внимание России на древний мир»; и в итоге программы заключить: «таким образом, мы сами сделаемся преимущественным предметом наших разысканий»²⁵.

Как отмечает А. М. Песков, эта программа содержала в зародыше проблематику всего русского философствования XIX–XX вв. В 1830–1840-е гг. самые яркие проекты самобытного русского просвещения, основанного на твердых национальных началах, исходили от бывших московских шеллингианцев И. В. Киреевского и С. П. Шевырёва, раскрывавших идею русской народности на материале интеллектуальной истории России и Европы²⁶.

В декабре 1823 г. Шевырёв был принят в Московский Архив Государственной Коллегии Иностранных дел и тем самым вошел в число знаменитых «архивных юношей», среди которых числились И. В. Киреевский, Д. В. Веневитинов, А. И. Кошелев и др. Это учреждение было первым историческим архивом России («дедушкой русских архивов»). В основе его собрания были еще материалы Посольского приказа, освещавшие внешнюю и внутреннюю политику государства в XV–XVII вв., историю царской семьи. Здесь будущий создатель науки о древнерусской литературе приобрел первый навык работы с древними рукописями.

В 1825 г. вместе с В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым Шевырёв переводит знаменитый эстетический манифест немецкого романтика В. Г. Ваккенродера «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного», впервые вышедший на немецком языке еще в 1814 г. Н. С. Тихонравов назвал эту книгу «эстетическим кодексом романтиков», отметив, что «Ваккенродер и Тик почти отождествляют искусство с религиею, видя в поэтическом вдохновении то редкое состояние человека, когда, независимо от него, нисходит на него свыше божественное откровение. „Восторгу художника нет другой вины, кроме непосредственного присутствия Божия“²⁷. По убеждению московских лю-

²⁵ Там же. С. 98.

²⁶ Там же.

²⁷ Тихонравов Н. С. Памяти Степана Петровича Шевырёва... С. 383.

бомудров, романтики «возвращали литературу к ее безыскусственным народным началам»²⁸.

Усвоенные в среде любомудров принципы романтизма Шевырѐв творчески развивает в собственном сочинении «Разговор о возможности найти единый закон для изящного», опубликованном в первом номере журнала «Московский вестник». Вокруг журнала объединились все любомудры во главе с М. П. Погодиным. Шевырѐв как главный теоретик журнала ведет наиболее важный раздел критики.

В отличие от «Московского Телеграфа» Н. А. Полевого, отражавшего социальную философию французского романтизма (влияние В. Гюго, объявленного журналом главным «философом романтизма»), орган московских любомудров был подчеркнуто аполитичен и ориентирован на вопросы «чистой науки», «чистого искусства» и «наслаждения изящным».

Значительное влияние на идеологию журнала и мировоззрение молодого Шевырѐва оказал глава московских любомудров Д. В. Веневитинов, умерший в самом начале издания журнала. В программной статье «Несколько мыслей в план журнала» он писал: «...философия и применение оной ко всем Эпохам наук и искусств — вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, предметы, тем более необходимые для России, что она еще нуждается в твердом основании изящных наук и найдет сие основание, сей залог своей самобытности и, следовательно, своей нравственной свободы в литературе, в одной философии, которая заставит ее развить свои силы и образовать систему мышления»²⁹.

С. П. Шевырѐв видит назначение журнала в том, чтобы «указывать своим соотечественникам на все новые, современные явления в обширной области творений ума человеческого... разрешить по возможности все современные вопросы, ибо всякий век, всякий народ, всякий человек имеет свои задачи, для разрешения которых живет и действует, указывая на новые явления ума, честно и правдиво, без пристрастия личного, открывать их настоящую сторону, назначать им место в постепенной лестнице просвещения как в отношении к нашему отечеству, так в отношении ко всему миру человеков...»³⁰.

²⁸ Там же. С. 384.

²⁹ Веневитинов Д. В. Несколько мыслей в план журнала // Веневитинов Д. В. и любомудры... С. 129.

³⁰ Шевырѐв С. П. Обзорение русских журналов в 1827 году: «Московский телеграф» // Московский вестник. 1828. Ч. VIII. № V. С. 63–64.

В 1827–1828 гг. Шевырëв опубликовал в журнале множество критических статей, рецензий и стихотворений, переводов из Шиллера, Гете, Платона и др. Погодин назвал его литературный дебют блистательным, обнаружив в его рецензиях «вкус и большую начитанность»³¹. И. В. Киреевский в своей рецензии определил Шевырëва (вместе с А. С. Хомяковым и Ф. И. Тютчевым) как поэта «немецкой школы», обладающего «редким познанием русского языка», «душою пламенною, сосредоточенною в любви к высокому». Найденное им в прозе Шевырëва «богатство мыслей» критик истолковал как «залог» будущих успехов начинающего литератора, определив ему в будущем место «в нашей литературной аристократии»³².

Даже такой критик, как Белинский, ставший в последующие годы одним из главных оппонентов Шевырëва, писал про него: «один из молодых замечательнейших литераторов наших», «одаренный поэтическим талантом», в основании «каждого его стихотворения лежит мысль глубокая и поэтическая»³³.

Важнейшим событием в жизни журнала и Шевырëва стал приезд в Москву осенью 1826 г. Пушкина, возвращенного императором Николаем I из Михайловской ссылки. По воспоминаниям Шевырëва, «Москва приняла поэта с восторгом» и буквально носила на руках. В декабре 1826 г. в доме А. С. Хомякова был заключен союз Пушкина с любомудрами. Пушкин напечатает в журнале 33 стихотворения, включая отрывок из «Бориса Годунова» и др. В письме от 1 июля 1826 г. к М. П. Погодину поэт дал восторженный отзыв о журнале: «Московский Вестник... первый единственный журнал на Святой Руси»³⁴.

В № 21 журнала за 1827 год Шевырëв опубликовал отзыв на вторую часть трагедии И. В. Гëте «Фауст». Гëте, прочитав этот отзыв, написал ему письмо, которое было опубликовано в «Московском Вестнике» (№ 11, 1828 г.) в подлиннике и в русском переводе. Это письмо произвело сильное впечатление в московских литературных кругах, так что редактор журнала Погодин написал: «сам германский патриарх отдал

³¹ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырëве... С. 366.

³² Киреевский И. В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 66.

³³ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Молва. 1834. Ч. VIII (I). № 38. С. 173–176; Электронный вариант: «Литература и жизнь». URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinskiy_lit_michtan.html (дата обращения: 25.01.2016).

³⁴ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Письма 1815–1830. М., 1962. С. 247.

справедливость Шевырёву»³⁵. После этого в издании «Искусство и древность» Гёте еще раз отозвался об этой рецензии: «Шотландец стремится проникнуть в произведение; Француз понять его; Русский себе присвоить...»³⁶. Под присвоением немецкий классик имел в виду принятие русской душой его сочинения внутрь себя, усвоение чужого как родного и близкого.

Пушкин в письме к Погодину также воздал должное таланту молодого критика: «Честь и слава милому нашему Шевырёву!.. Пора уму и знаниям вытеснить Булгарина с братией»³⁷. Высоко оценивал Пушкин и поэзию Шевырёва. Его «Мысль» («Падет в наш ум чуть видное зерно / И зреет в нем, питаюсь жизни соком; / Но час придет — и вырастет оно / В создании иль подвиге высококом...») поэт назвал «одним из замечательнейших стихотворений текущей словесности».

Многие исследователи отмечают положительное влияние автора «Бориса Годунова» на творчество молодого Шевырёва³⁸. Обоих объединяет интерес к народности в искусстве. В образе монаха-летописца Пимена Пушкин воплотил представление о народности, очень близкое Шевырёву. В предисловии к трагедии «Борис Годунов» Пушкин в качестве главного признака русской народности выделяет православную веру, а также «образ мыслей и чувствований», «тьму обычаев, поверий и привычек». Шевырёв в «Обзрении русской словесности» выделяет пушкинскую сцену между Пименом и Григорием, которая «сама в себе представляет целое, особое произведение». В авторе «Бориса Годунова» критик видит прежде всего «поэта русского, ибо характер Пимена носит на себе благородные черты народности»³⁹.

Как вспоминал впоследствии Шевырёв, «беседы с Пушкиным о поэзии и русских песнях, <...> чтение Пушкиным этих песен наизусть принадлежат к числу тех плодотворных впечатлений, которые

³⁵ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве... С. 367.

³⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета 1755–1855 г. М., 1855. С. 607.

³⁷ Там же.

³⁸ Маймин Е. А. Еще о Пушкине и «Московском Вестнике» // Пушкинский сборник. Псков, 1968. С. 181.

³⁹ Шевырёв С. П. Обозрение русской словесности за 1827 г. // Шевырёв С. П. Об отечественной словесности. М., 2004. С. 83.

содействовали образованию моего вкуса и развитию во мне истинных понятий о поэзии»⁴⁰.

* * *

Во второй половине 1820-х годов С. П. Шевырёв — молодой, прекрасно воспитанный и образованный дворянин, становится желанным гостем и непременным участником московских литературных и художественных салонов А. П. Елагиной, С. Т. Аксакова и кн. З. А. Волконской — «царицы муз и красоты» (по выражению Пушкина, посвятившего ей светский мадригал «Княгине З. А. Волконской»). В княгиню были влюблены лучшие умы России, среди которых глава кружка любителей Д. В. Веневитинов. Зинаида Александровна Волконская (1792–1862), или «Северная Коринна», как ее называли, была одной из самых блестящих и образованных женщин своего времени. Она свободно владела тремя языками, обладала несомненным литературным даром и прекрасным голосом. Как отмечал С. М. Волконский, «Утонченная представительница юного романтизма в его сочетании с пробуждающимся и мало осознанным еще национализмом, она была типичный плод западной цивилизации, приносящей себя на служение родному искусству... Люди, очень мало имевшие корней в своей стране, получившие умственное пробуждение с запада, душою все же тяготели к родине и желали видеть ее культурно равною другим странам»⁴¹.

В 1828 г. Шевырёв принимает предложение кн. З. А. Волконской сопровождать их семью в Италию в качестве домашнего учителя ее единственного 17-летнего сына кн. Александра Никитича Волконского, впоследствии известного дипломата, автора книги «Рим и Италия». В среде немецких и русских романтиков существовал своеобразный культ Италии (В.-Г. Ваккенродер, Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский). Как писал Шевырёв, «Италия есть единственная страна, которая для всех народов предложит материалы к эстетическому воспитанию»⁴².

Близкое знакомство с итальянской живописью наводит будущего славянофила на мысли о национальной природе искусства, помогает преодолеть «умствования» современных европейских теорий. «Кто

⁴⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета 1755–1855 г. ... С. 606.

⁴¹ Кн. Сергей Волконский. О декабристах. По семейным воспоминаниям // Электронная библиотека Fantasy Read. URL: <http://fanread.ru/book/3594284/?page=9> (дата обращения: 25.01.2016).

⁴² Медовой М. И. «Вечно обязан Риму»... С. 9.

видел италийских красавиц, тот, — утверждал он, — (против немецких теорий) убедится, что живопись может иметь национальность, тот постигнет колорит мадонны и согласится, что Рафаэль был живописец национальный»⁴³.

Три с половиной года, проведенные в Италии, стали для молодого литератора лучшей школой — «годами учения» (Lehrjahre): он выучил итальянский, испанский и английский языки и прочитал в подлинниках Данте, Петрарку, Ариосто, Шекспира, Сервантеса, Кальдерона и др. Постоянно проживая в Риме на вилле кн. Волконских, Шевырѐв совершал регулярные путешествия по Италии, осматривая художественные памятники Флоренции, Венеции, Неаполя, Милана и др. городов, стремясь «отгадать тайну красоты». Вилла кн. З. А. Волконской представляла в то время настоящий музей искусств, включавший храмы, гроты, древние развалины и поэтические виды на Колизей и собор Святого Петра: «Весь Рим кажется легок, прозрачен, как видение»⁴⁴.

В доме княгини Волконской Шевырѐв, по его словам, прошел «живую эстетическую школу», постоянно общаясь с русскими художниками К. П. Брюлловым, Ф. И. Бруни, композитором М. И. Глинкой и мн. др. В 1830-е годы кн. З. А. Волконская устраивала на вилле музыкальные вечера, в которых Шевырѐв принял активное участие, получив репутацию знатока русских песен.

Интерес к русскому национальному началу проявился у Шевырѐва в этот период и в создании либретто оперы «Вадим» на сюжет одноименной баллады В. А. Жуковского. И хотя сам Шевырѐв впоследствии отдал либретто для доработки С. Т. Аксакову, автор музыки А. Н. Верстовский видел именно в его труде «камень основания русской музыкально-драматической характеристики»⁴⁵.

Шевырѐв часто возвращается к этой теме на страницах своего дневника в 1829–30 гг.: «Теперь можно бы так историю Европы превратить в легенду. У Европы было пять дочерей: Италия, Германия, Франция, Англия и Россия. Италия взяла искусство, Германия — науку, Франция — политику в высшем смысле, Англия — торговлю, машины, словом, жизнь практическую. Россия, меньшая дочь, от отца Азиатского, с гибким характером, со свежими силами, соберет воедино дары сестер,

⁴³ Там же. С. 18.

⁴⁴ Мартынов В. А. У истоков «русской идеи»... С. 73.

⁴⁵ Медовой М. И. «Вечно обязан Риму»... С. 26.

усвоит их у себя и их усовершенствует. — Россия совокупит в сумму все бытие европейского человечества»⁴⁶.

Работа над трагедией из древнеримской мифологии «Ромул», посвященной кн. З. А. Волконской, приводит Шевырёва к историческому размышлению о Римской империи и к сопоставлению римского и русского имперского мифа. Осмысление образа основателя Рима ведет к рассуждениям об основателе Российской империи.

Будущий москвитянин каждый вечер читает жизнеописания Петра и литературу о его эпохе. Он видит в фигуре Петра великого просветителя России, идеальное воплощение русского национального типа, предмет для подражания в реальной жизни. «Будь человеком по Христу, будь русским по Петру». Предвосхищая поэму Пушкина «Медный всадник»⁴⁷, Шевырёв раскрывает образ Петра Великого в стихотворении «Петроград» («Море спорило с Петром»), написанном 9 августа 1829 г.⁴⁸. Петр здесь показан как сила не просто противостоящая морской стихии («Сдайся дерзостное море»), но сила, побеждающая ее своим гремящим словом («Но сбылось Петрово слово»). Петр, как божественный демиург, творит «чудо-град», а «побежденная стихия» приносит дары победителю.

Шевырёв пишет Погодину из Рима: «Мне часто приходит мысль: всякому из нас по частям должно продолжать дело Петра и потом еще готовить Россию и к обратному плану, т. е. возвращать русских к русскому. Надо бы нам вербовать Петров из высшего класса: у нас нужен Христос или князь профессор, т. е. искупитель ученого звания, так как Петр был искупитель России»⁴⁹.

Свои размышления о русских началах, надежды на возвращение своих образованных соотечественников к русскому воззрению Шевырёв связывает с личностью молодого императора Николая I⁵⁰.

В качестве яркого примера происшедшего в сознании молодого ученого обращения к «русскому воззрению» можно привести его искреннее признание в письме к Погодину из Рима от 27 октября 1829 года: «Состояние России теперь слава Богу: мы под Византией. Бог послал нам Царя

⁴⁶ Там же. С. 34.

⁴⁷ Опубликована в «Библиотеке для чтения» (1834. Кн. XII).

⁴⁸ Впервые опубликовано в «Московском вестнике» (1830. Ч. 1. № 4).

⁴⁹ Цит. по: Цветкова Н. В. О русской идее С. П. Шевырёва... С. 46–59.

⁵⁰ Еще в феврале 1828 г. Пушкин посылает Николаю I знаменитые строки: «...Его я просто полюбил: / Он бодро, честно правит нами; / Россию вдруг он оживил / Войной, надеждами, трудами».

твердого. Душа его растворена ко благу. Минута его — есть минута художника совершившего подвиг: такие минуты бывают зародышем счастья народного, благотворений царских. Пушкину надо бы воспеть наши подвиги: остановиться у ворот Константинополя и вместо меча и огня предложить ему оливу и елей — чудо достойное Русских! — Всякому свое, вот девиз наш. Мы растем не как Римская империя — это вздор. Мы выросли силами для того, чтобы благородно защищать право слабого. Дух завоеваний никогда не был духом русским: дух терпения — вот наш дух. Россия есть Гений держав, по определению Бюффона»⁵¹.

Наряду со штудированием европейской классики, в частности Сисмонди, Гизо, Гегеля, Шевырѐв постоянно обращается к русской словесности — «Слову о полку Игореве», «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина и др. В комментариях к «Истории» Карамзина Шевырѐв отметил корень отличий русской истории от западноевропейской в том, что «Россия оставалась добровольно уступкою Славян одному роду», утверждая, что «эта безусловная привязанность к Царю — залог образования России». И делает вывод, во многом определяющий для всего его последующего идейного развития: «В истории русского народа не может быть ни минуты без царя, ибо эта минута был бы хаос. Под условием вечного бытия царя только Россия существует, как мир существует только под условием бытия Божия»⁵².

Из обширной переписки итальянского периода наибольший интерес представляет «откровенное» письмо (своего рода «исповедь сердца», столь ценимая русскими романтиками) к А. В. Веневитинову, брату умершего поэта, впоследствии сенатору и тайному советнику. В нем молодой философ выразил то понимание русского воззрения, которое впоследствии разовьет в своих книгах и статьях. Он выделяет в русском народе две крайности — «азиатизм и французизм». Последний сбивает в нас ту исключительность, которая есть «яд для русского, и производит к несчастью в обществе холодность и даже отвращение ко всему родному. <...> Жизнь Франции вся держится на эгоизме. Нет противоположностей столь отдаленных, как русский и француз»⁵³.

В этом письме Шевырѐв высказывает своему товарищу мысль, которая наиболее «глубоко запала в душу» — мысль о грядущем величии

⁵¹ Цит. по: *Цветкова Н. В.* О русской идее С. П. Шевырѐва... С. 46–59.

⁵² Цит. по: *Алексеева Е. Д.* С. П. Шевырѐв в общественной жизни дореформенной России... С. 183.

⁵³ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 3. С. 73.

России: «Русский последний в Европейском человечестве, но на нем будет писание Иисуса глаголюща *первые будут последними, а последние будут первыми*»⁵⁴. «Я пока предан Западу, да и без него у нас никак нельзя быть. Но мнениями принадлежу нашему Востоку — России, и во многом изменился против прежнего»⁵⁵. С гордостью сообщает Шевырёв о том, что выполнил свою первую педагогическую задачу — смог обратить своего первого ученика юного кн. Александра Волконского к русскому воззрению: «Как же несносны офранцузенные Русские. Эти существа сами же себя уничтожают. Мой Князь спасен от этой порчи, к сожалению, заражающей все сословие, к коему принадлежит он...»⁵⁶. В тесной связи со своей патриотической позицией Шевырёв определяет и собственное будущее: «Что я служу Отечеству путем ученым — это решено»⁵⁷.

Накануне отъезда в Россию 26 апреля 1832 г. Шевырёв пишет из Женевы, где он задержался по пути из Рима в Москву, письмо Погодину: «Все, все убеждает меня, что наша пора пришла, и двинь нас царь, мы будем первыми. С этой уверенностью еду в Россию, радуюсь, что я Русский. Возвращаюсь более Русским, нежели чем поехал. Нам предлежит создать новое поколение чисто-Русских. До сих пор в нас было излишнее влияние Запада, коего крайность должна была пройти с веком Александровым. В действиях нашего царя я вижу начало новой эпохи, начало, соответствующее нашим желаниям. Авось мы разгадаем — как быть Русским и что такое Русский»⁵⁸.

Друзья Шевырёва связывали большие надежды с его возвращением в Москву. Так, Пушкин писал молодому ученому: «Возвращайтесь, обогащенные воспоминаниями, новыми знаниями, вдохновениями, возвращайтесь и оживите нашу дремлющую северную литературу». Живший в Петербурге русский драматург Е. Ф. Розен, близкий к Пушкину и любомудрам, впоследствии автор либретто оперы Глинки «Жизнь за Царя», приветствовал его возвращение на родину: «Воображаю, с каким восторгом вы приветствовали Святую Русь после трехлетнего отсутствия. Я о вас расспрашивал Пушкина и узнал только, что вы милы и любезны по-прежнему»⁵⁹.

⁵⁴ Там же. С. 74.

⁵⁵ Там же. С. 76.

⁵⁶ Там же. С. 74.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Цит. по: Мартынов В. А. У истоков «русской идеи»... С. 110.

⁵⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 4. С. 87.

* * *

Возвращение Шевырёва в Россию совпало с началом деятельности С. С. Уварова в должности сначала товарища министра народного просвещения (с 1832 г.), а с 1833 г. — министра. С первых дней своей работы на новом посту этот выдающийся государственный деятель придавал огромное значение старейшему российскому университету.

Неслучайно именно при инспектировании Московского университета 4 декабря 1832 г. Уваров впервые публично озвучил свою знаменитую триаду. В обращении к преподавательскому составу университета он призвал руководствоваться «теплой верой в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог и величие нашего Отечества»⁶⁰.

«Русская триада» Уварова была своевременным ответом на поиски новой идеологии. Подъем революционного движения в Европе, польское восстание 1830–1831 гг. требовали от правительства осмысленных действий. Император Николай I поклялся не допустить в Россию революции, которая стояла на пороге. Историк А. Е. Пресняков назвал его царствование «золотым веком русского национализма». Уже в одном из первых манифестов императора отмечалась необходимость «очистить Русь святую от <...> заразы, извне к нам нанесенной». Для утверждения самодержавия рекомендовалось поддерживать «отечественное, природное, не-чужеземное воспитание»⁶¹.

По рекомендации М. П. Погодина С. С. Уваров делает С. П. Шевырёву предложение стать адъюнктом (т.е. помощником профессора) на кафедре русской словесности, которую с 1831 по 1847 гг. возглавлял знакомый Шевырёву по Благородному пансиону философ и психолог И. И. Давыдов. Уваров писал Окуловой о том, что он особенно доволен этим выбором: «Только такими людьми Московский университет может возвыситься и в духе, и в форме»⁶². Несомненно, что именно М. П. Погодину принадлежит огромная заслуга не только в том, что это назначение состоялось, но и в том, что Шевырёв его принял. Первоначально, когда Пого-

⁶⁰ Уваров С. С. Отчет по обозрению Московского университета // Уваров С. С. Избранные труды. М., 2010. С. 300.

⁶¹ Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925; Электронный вариант: Электронная библиотека Республики Карелия. URL: <http://elibrary.petrus.ru/book.shtml?id=249> (дата обращения: 25.01.2016).

⁶² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 4. С. 89.

дин сообщил ему в письме о смерти Мерзлякова и свободной вакансии, Шевырёв отвечал из Италии, что собирается еще не менее года «посвятить на слушание лекций в каком-нибудь университете»: «Сколько хочется прочесть книг, непременно здесь на месте». Но волевой и настойчивый Погодин смог убедить колеблющегося друга в том, что «место его», «по чистой моей совести и внутреннему убеждению принадлежит тебе»: «Ум, познания, дар слова, пиитический талант, энтузиазм, любовь к просвещению — аксиос»⁶³.

Для получения должности Шевырёв пишет диссертацию на тему «Дант и его век», напечатанную потом в «Ученых записках Московского Университета». Проведенный им анализ «Божественной комедии» показал начинающего ученого как знатока не только итальянской национальной культуры, но и всего западного культурного мира. В диссертации Шевырёв утверждал, что поэзия Данте являет собой «слияние учености века с народностью» и «под поэтическим покровом представляет полную Энциклопедию наук». В некоторых рассуждениях диссертант вплотную подошел к будущим основополагающим выводам московского славянофильства⁶⁴.

27 сентября 1833 г. Шевырёв утвержден в звании адъюнкта, и уже в начале 1834 г. он начинает преподавать историю словесности. 15 января 1834 г. Шевырёв читает первую лекцию «Характеристика образования и поэзии главнейших народов Западной Европы». Среди первых слушателей оказались М. П. Погодин, Н. В. Станкевич, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков и др. Последний в воспоминаниях отмечает «добросовестный труд» и «любовь к науке» начинающего лектора и его первый успех в студенческой аудитории: лекция «сильно понравилась студентам». Однако вскоре происходит разочарование юношества, увидевшего «ограниченность взглядов», «отсутствии свободной мысли», «самолюбие» нового лектора⁶⁵. Так, посещавший первые лекции Н. В. Станкевич в январе 1834 г. писал Я. М. Неверову: «Друг мой! Сию минуту с первой лекции Шевырёва. Он обещает много для нашего университета с своею добросовестностью, своими сведениями, умом и любовью к науке. Это

⁶³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 3. С. 175–176.

⁶⁴ В письме А. В. Веневитинову из Италии Шевырёв писал: «Я прочел всего Данта или лучше заготовил его на всю жизнь. Что за богатство?...» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 3. С. 75).

⁶⁵ Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 321.

едва ли не первый честный профессор». А уже через год Н. М. Станкевич выражает свое разочарование: «Шевырѐв обманул наши ожидания: он педант»⁶⁶. Но, конечно, главную роль в стойкой «нелюбви» студентов к Шевырѐву сыграла его твердая патриотическая и монархическая позиция, которую С. М. Соловьев определил как принадлежность к «черной уваровской партии».

Этот знаменитый историк, в 1850-е годы — член «либерального кружка» преподавателей Московского университета, в своих воспоминаниях, написанных уже после смерти Шевырѐва, очень убедительно воспроизводит ту «страшную ненависть», которую он и его единомышленники питали к «преподавателю христианскому», который своим «бесталанным проведением известных воззрений»⁶⁷ умел «превратить в ничто» и «сделать нестерпимым для слушателей» богатое содержание лекций. Соловьев писал: «Тут-то услышали мы бесконечные рассуждения, т.е. бесконечные фразы о гниении Запада, о превосходстве Востока, русского православного мира. Однажды после подобной лекции Шевырѐва, окончившейся страшной трескотней в прославление России, студент-поляк Шмурло подошел ко мне и спросил: „Не знаете ли, сколько Шевырѐв получает лишнего жалованья за такие лекции?“»⁶⁸.

Однако, несмотря на широкое распространение среди студенчества либеральных идей, С. П. Шевырѐв смог заслужить любовь и благодарность многих выпускников. Среди его наиболее выдающихся учеников — языковед и фольклорист Ф. И. Буслаев, историк литературы Н. С. Тихонравов, собиратель русского фольклора, издатель знаменитых народных сказок А. Н. Афанасьев и др. Приведем фрагмент благодарных воспоминаний о своем наставнике, оставленных Ф. И. Буслаевым: «Эти лекции Шевырѐва производили на меня глубокое, неизгладимое впечатление, и каждая из них представлялась мне каким-то просветительным откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка»⁶⁹.

Еще в 1831 г., когда С. П. Шевырѐв находился в Европе, он размышлял в своем дневнике об особой специфике и задаче отечественного подхода

⁶⁶ Русское общество 30-х годов XIX в... С. 420.

⁶⁷ Соловьев имеет ввиду уваровскую «русскую триаду».

⁶⁸ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Шевырѐв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 380.

⁶⁹ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания // Шевырѐв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 354.

к науке: «Русские воплотят философию, скелет, приготовленный немцами, в живое тело истории. Кому, как не русским, преимущественно должно заниматься историей и избрать во всем методу историческую? Русские, как последние, имеют опыт всех народов»⁷⁰. Университетский курс стал для Шевырёва первым конкретным осуществлением его заветных идей: он был издан им в 1835 г. под названием «История поэзии». Курс основан на синтезе истории и философии: «Наука должна иметь душу Философию, телом — Историю»⁷¹. Ученый предлагает называть всю современную науку «мыслящей историей»: «...знание наше тогда будет полно, когда философия поверится историей и, обратно, история согласится с философией. Пока история будет враждебно обличать философию в ее смелых начертаниях — не быть науке полной. Взаимная их дружба будет торжеством всех стремлений ума человеческого»⁷². Как и в других своих трудах, Шевырёв не ограничивается здесь «сухой теорией». Его история поэзии является и своеобразной философией истории, в которой каждая нация имеет свое лицо, свою идею и свою цель, определяемую самим Божественным Промыслом.

1 июля 1834 г. молодой и подающий большие надежды ученый вступил в брак с внебрачной дочерью героя Отечественной войны 1812 г. князя Б. В. Голицина Софьей Борисовной Зеленской (1809–1871). Так как последняя воспитывалась в доме дяди — московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, Шевырёв оказался вхож в московское высшее аристократическое общество. Его семейная жизнь сложится счастливо, о чем свидетельствуют неопубликованные воспоминания его дочери. В конце жизни, на одре болезни он напишет: «Моя семья — ты Божье дарованье! Мне первую отрадой ты была».

Важной вехой в литературно-критической деятельности Шевырёва стало его участие в журнале «Московский наблюдатель», созданном бывшими сотрудниками «Московского вестника» на паевых началах и объединившим широкий круг литераторов зарождающегося московского славянофильства — М. П. Погодина, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова и др. Официальный редактор журнала статистик В. П. Андросов, служивший при генерал-губернаторе кн. Д. В. Голицыне,

⁷⁰ Шевырёв С. П. Итальянские впечатления... С. 229.

⁷¹ Шевырёв С. П. История поэзии. Древняя Индия. Израиль. Греция. Рим. Европа Нового времени. М., 2014. С. 2.

⁷² Шевырёв С. П. История поэзии. Фрагменты // Шевырёв С. П. Об отечественной словесности... С. 112.

сформулировал целью издания «следить за всеми достопримечательными явлениями как в России, так и вне России по части наук, словесности, искусств изящных, промышленности и мод»⁷³.

К участию в журнале был приглашен и Н. В. Гоголь. В письме к Шевырёву от 10 марта 1835 г. он не только выразил свое горячее сочувствие новому начинанию, но и указал четкое литературное направление: «Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплеменных имен»⁷⁴.

В первом номере журнала С. П. Шевырёв напечатал программную статью «Словесность и торговля», в которой выступил с критикой «материалистического воззрения на нашу современную словесность», против коммерциализации русской литературы, а конкретно — против первого в России многотиражного журнала «Библиотека для чтения», издававшегося книготорговцем А. Ф. Смирдиным под редакцией О. И. Сенковского. Сенковский — выходец из польского шляхетского рода, был основателем русской школы востоковедения в Санкт-Петербургском университете и прославился как автор популярных сочинений, подписанных псевдонимом «Барон Брамбеус». «Библиотека для чтения», по мысли Шевырёва, была не способна «представить образцы вкуса» и тем «направить наше эстетическое образование». Она «есть просто пук ассигнаций, превращенный в статьи»⁷⁵. Господство «торгового направления» ведет также к искажению и деформированию русского эстетического вкуса, современного русского слога, самой русской жизни. В отличие от «опытной» Европы, с ее «старостью» и «разочарованием ветшающей жизни», Россия молода, «мы исполнены надежд и силы», «вкус наш девствен»: «...мы томимся чужим разочарованием, чужою скукою! Мы, как больные в воображении, хвораем не своею болезнью! Мы, свежие и нетронутые, считаем себя пресыщенными — и раздражаем свой язык, будто уже придушенный, ненужными приправами ужасного!»⁷⁶.

«Благородная задача литератора» заключается, согласно Шевырёву, в подчинении собственного успеха «нравственному успеху общества», в том, «чтобы не основать своей временной славы на развращении мысли, нравственного чувства и вкуса общественного»⁷⁷, в образовании

⁷³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 4. С. 231.

⁷⁴ Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 285.

⁷⁵ Шевырёв С. П. Словесность и торговля // Шевырёв С. П. Избранные труды... С. 134.

⁷⁶ Шевырёв С. П. Словесность и торговля... С. 139.

⁷⁷ Там же. С. 143.

поколения мыслящих читателей. Для этого «умствующего поколения» наука «сделается у нас народной, пустит корень — и будет питать словесность», а критика утвердится «на положительных свидетельствах истории словесности». «Тогда и русское слово наше, теперь обезображенное безвкусием, усилиями поддельной оригинальности, охлажденное безмыслием, одушевится мыслию, сожмет свой растянутый период и будет достойным языком ума, а не пустословием механическим»⁷⁸. Конечной целью «благонамеренной и честной» критики должно стать утверждение «национального взгляда на произведения словесности», как отечественной, так и зарубежной⁷⁹.

Другой программной работой, отражающей задачи современной литературной критики, становится статья «О критике вообще и у нас в России в частности». Ключевая мысль статьи связана с раскрытием личного и национального взгляда на литературу. Для этого необходимо утверждение своей «национальной учености», благодаря которой сможет проявиться «национальное мнение» в литературе, служащее основанием «народной критике». Но пока еще национальная ученость не сформировалась, очень важно внести «благородные» и нравственные правила в литературный кодекс, не допускающие безличность и анонимность: «чтобы всякая критика была скреплена подписью рецензента»⁸⁰.

В 1837 г. в связи с финансовыми проблемами журнал «Московский наблюдатель» был отдан в аренду книготорговцу А. Ф. Смирдину, который фактически передал его в руки В. Г. Белинского, и уже первый номер журнала под новой редакцией символично открылся «Гимназическими речами» Гегеля в переводе и с предисловием отставного артиллерийского офицера М. А. Бакунина. Как отмечает Н. П. Барсуков, «задачей журнала стало обсуждение явлений русской литературы с точки зрения Гегеля»: «Основные положения Гегеля Бакунин возвещал, как всемирное откровение, сделанное человечеством на днях, как обязательный закон для мысли людской»⁸¹. По сути, это был уже совершенно другой журнал, с которым у Шевырёва не было ничего общего.

В 1837 г. за сочинение «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов» С. П. Шевырёв удостоивается высокой ученой

⁷⁸ Там же. С. 145.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Шевырёв С. П. О критике вообще и у нас в России // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 66–67.

⁸¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 5. С. 146.

степени доктора философии. Во втором полугодии 1837/1838 г. учебного года Шевырѐв начал читать в университете курс лекций по истории русской словесности. В первой лекции русский ученый прежде всего хочет поделиться со слушателями своей радостью: «...весело трудиться тогда, когда всякая мысль ваша согрета теплым патриотическим чувством, когда самым сухим изысканием можете напитать сердце и найденною истиною удовлетворить не один холодный рассудок, но самое благороднейшее из чувств наших, самое живое и многоплодное — любовь к своему отечеству, к своему языку и народу»⁸².

Если в истории «иноземной» словесности лектор останавливается лишь на тех произведениях, в которых «в высшей степени раскрылся дух народа», то, что «возбуждает участие всемирное» и стало «собственностью человечества», то в истории отечественной словесности «все занимательно, поучительно и необходимо», ибо «патриотическое участие не полагает границ между великим и малым», здесь «мы любим и один сладкий звук, лелеющий Русское ухо», т.к. «настоящий интерес» умножает и «требования нашей науки»⁸³.

В истории отечественной словесности отразилась вся жизнь русского народа и государства. Она принадлежит к необходимым потребностям учено-литературного мира. «Дух неуважения к произведениям отечественным и дух сомнения во всем том, что славного завещала нам древность, должны же когда-нибудь прекратиться, а мы можем противодействовать им только глубоким и терпеливым изучением того, что составляет литературную собственность нашего народа»⁸⁴.

По мысли русского ученого, изучение родной словесности помогает извлечь положительный урок для настоящего. Благодаря ему возможно увидеть «богатство и важность событий нашей Истории», т.к. всякая наука, кроме отвлеченной пользы, должна приносить и частную: изучение памятников словесности может помочь в разрешении главных вопросов, стоящих перед отечественным просвещением: «породнить Россию древнюю с Россией новой», «как в современной жизни нашей и в словесности, ее отражении примирить навсегда нашу чистую коренную народность с Европейским образованием», «воскресить дух ее древней жизни и вызвать все заветные предания наших предков»⁸⁵.

⁸² Шевырѐв С. П. Общее обозрение развития русской словесности // Шевырѐв С. П. Избранные труды... С. 146.

⁸³ Там же. С. 147.

⁸⁴ Там же. С. 151.

⁸⁵ Там же. С. 170.

* * *

В 1838 г., чтобы поправить здоровье, Шевырëв берет в университете отпуск на два года и вместе с семейством уезжает в Европу в научную командировку, цель которой обозначена как усовершенствование в древней филологии и истории изящных искусств. Он успел побывать в Лондоне, Мюнхене, Париже, Риме, где слушал лекции европейских профессоров, знакомился с методикой преподавания в тамошних университетах. Его отчеты и статьи о современной римской археологии были опубликованы в «Московских ведомостях» в 1838 г., а в «Журнале министерства народного просвещения» — путевые заметки.

В Риме Шевырëв знакомится с Н. В. Гоголем⁸⁶. Благодаря этой дружбе он становится московским поверенным в делах Гоголя и даже занимается изданием второго тома «Мертвых душ». «Шевырëв — прекрасная душа, и я на него более мог поручиться, чем на кого-либо иного, зная вместе с тем его большую аккуратность», — напишет Гоголь А. С. Данилевскому. Помимо высокой оценки личных качеств своего друга, Гоголь видит в нем выдающегося ученого и мыслителя. Об этом можно судить, в частности, из письма, адресованного А. О. Смирновой: «Если вы, — писал Гоголь, — будете когда в Москве, не забудьте познакомиться с Шевырëвым. Человек этот стоит на точке разумения высшей, чем все другие в Москве, и в нем зреет много добра для России»⁸⁷.

Знакомство в Мюнхене с немецким философом Францем фон Баадером Шевырëв считал одним из наиболее значительных событий этого европейского путешествия. Симпатии Баадера к Православной Церкви отмечали многие исследователи. Так, Н. А. Бердяев подчеркивал, что Баадер «видел в России посредницу между Востоком и Западом»⁸⁸. Мысли Баадера о разложении христианства на Западе и надежды, возлагаемые им на Россию и ее Церковь, безусловно, оказали большое влияние на историософию С. П. Шевырëва, как и тезис о том, что «истинная наука не существует без веры».

⁸⁶ Их общение в переписке началось еще в 1835 г. Так, в письме от 10 марта 1835 г. Гоголь писал: «Я вас люблю почти десять лет, с того времени, когда вы стали издавать „Московский вестник“, который я начал читать, будучи еще в школе, и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще донныне не развернулось» (Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 284).

⁸⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 8. С. 558.

⁸⁸ Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 89.

Знаменитое письмо Баадера к графу С. С. Уварову хорошо раскрывает тему разрушения христианства на Западе и незатронутости России этими секулярными процессами, тему, столь важную для Шевырёва и последующей русской мысли. В частности, Баадер пишет: «...все философы (за исключением Лейбница), начиная с Декарта и его последователя Спинозы, исходили из принципа разрушения и революции в отношении религиозной жизни, из принципа, который в области политики породил конституционный принцип; я показал, что кардинальная реформа невозможна, если только она не будет проходить и в философии, и в политике. По моему мнению, опасно ошибаются те государственные деятели и вожди, которые полагают, что образ мыслей людей (т.е. их философия) является чем-то незначительным и что наука, лишённая милосердия, не приводит к появлению правительства, лишённого милосердия — губельного и для того, кто правит, и для тех, которыми правят... Провидение до сего времени хранило Русскую Церковь, и она не была вовлечена в тот процесс, происходящий в Европе, результатом которого стала дехристианизация в науке и в гражданском обществе»⁸⁹.

Особенно важной для развития историософских взглядов Шевырёва было положение философии Баадера, согласно которому именно русскому народу «принадлежит высокое призвание обнять и далее развивать христианство в духе всечеловеческом»⁹⁰. «Баадер полемизировал против философской системы Гегеля и ставил его ниже Бёма; Шевырёв постоянно высказывался против гегелевской философии, против безусловного пристрастия к немецким теориям и, по следам Шлегеля, видел «начало истинной философии в подчинении знания вере, философии — откровению». Познакомившись с учением Баадера, Шевырёв отдал «этому мыслителю первое место между теми, которые задали себе решение важнейшего вопроса: как примирить философию с религией». Патриотическому чувству Шевырёва особенно льстило то, что Баадер «всего более сочувствовал учению Восточной Церкви», равно отклоняясь и от протестантизма, и от католицизма. Шевырёв возвратился в Россию с удвоенным нерасположением к философии Гегеля»⁹¹.

Итогом второго заграничного путешествия Шевырёва стала еще более определенная антизападническая и антигегельянская философская

⁸⁹ О России и русской философской культуре... С. 497.

⁹⁰ Сакулин Н. П. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 363.

⁹¹ Тихонравов Н. С. Памяти Степана Петровича Шевырёва ... С. 389.

позиция, культурологическая установка, принципиально разделяющая мир старой европейской культуры и искусства и мир современной Европы, зараженной «развратом мысли», и наконец, искреннее желание обратиться к изучению великого прошлого Европы и России.

* * *

По возвращении в 1840 г. в Россию Шевырёв был утвержден ординарным профессором, а в феврале 1841 г. получил чин коллежского советника. В 1840–1850-е гг. он очень активно занимается научной и преподавательской деятельностью. В частности, он возглавлял две кафедры университета – русской словесности (с 1847 г.) и педагогики (с 1851 г.). В 1850–1855 гг. Шевырёв занимает должность декана историко-филологического факультета. В 1852 г. Санкт-Петербургская Императорская Академия наук утверждает его ординарным академиком по отделению русского языка и словесности. Получил Шевырёв и международное научное признание – как доктор философии Императорского Королевского Пражского университета, действительный член Королевского Афинского Общества изящных искусств и Королевского Датского Общества Северных Антиквариов и т.п.

Но 1840-е годы становятся и временем наиболее активного участия Шевырёва в философской полемике. Именно тогда он становится признанным лидером «московского» или «православно-русского» направления отечественной философской мысли.

Историк литературы и мемуарист западнического направления П. В. Анненков назвал 1840-е годы «замечательным десятилетием». По мнению эмигрантского историографа Д. И. Чижевского, «замечательное десятилетие» охватывает период с 1835 по 1847 гг. Он определяет это время как наиболее значительную эпоху в духовной жизни России со времен Петра I, «момент, когда русский дух с небывалой остротой ощутил потребность самосознания»⁹². Прот. Г. В. Флоровский называет этот период эпохой рождения «именно *русской философии*»⁹³. Философия, бывшая ранее в России одной из многих наук, ограниченных узким кругом учителей и учеников, становится основным интересом поколения 1840-х гг., вовлекает в свой круговорот все силы общества, а главное, происходит поиск «существа русского и нерусского в мировоззрении, в жизнепонимании, в духе»⁹⁴. Как отмечает прот. Г. В. Флоровский, тема

⁹² Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 47.

⁹³ Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 236.

⁹⁴ Чижевский Д. И. Гегель в России... С. 48–49.

национального призвания, «вопрос о месте России» в плане всемирной истории становится главной темой пробудившейся русской философии⁹⁵.

Американская исследовательница Цинтия Виттекер выделяет в своей характеристике интеллектуальной жизни России в 1830–1840-е гг. несколько ключевых идейных направлений, каждое из которых стремилось раскрыть идею русской народности⁹⁶. Первое направление — «династический национализм» — наиболее влиятельное при дворе, выражало свои идеи через массовые периодические издания Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и О. И. Сенковского. Оно трактовало «русскость» как верноподданность самодержцу, а образ России связывало с правящей династией Романовых как хранительницей и носительницей национальной культуры. Второе направление — «романтический национализм» — было представлено журналом «Москвитянин», выходившим под прямым покровительством С. С. Уварова и под руководством профессоров Московского университета С. П. Шевырёва и М. П. Погодина. Разделяя почтение к самодержавию как единственно возможной политической системе в России, его представители «поэтизировали» уникальность России, возлагая на нее миссию спасения «загнивающего» Запада. Третье направление — славянофильство — также видело в царе «символ единства нации». Однако ключ к пониманию русской народности полагало все-таки в Церкви, а не в государстве. Четвертое направление — западничество, ориентированное на европейские ценности, представляло «пеструю» группу, включающую как радикалов (В. Г. Белинский, А. И. Герцен), так и умеренных либералов (Т. Н. Грановский), все многообразие взглядов которых отражали два «толстых» журнала «Отечественные записки» и «Современник»⁹⁷.

Как утверждает Ц. Виттекер, граф С. С. Уваров и провозгласил идею народности в целях объединения государства, народа и общества, стараясь проявлять внимание ко всем главным идейным направлениям, за исключением радикальных западников. По выражению Ц. Виттекер, С. С. Уваров находился посередине «между ультра-европейской и ультра-русской школами мысли», покровительствуя как С. П. Шевырёву, так и Т. Н. Грановскому. Однако, по мнению Ц. Виттекер, он не мог полностью принять ни романтический национализм с его идеализацией русского народа, ни славянофильское учение о соборности, отдавая предпочтение «всевидящему прозорливому государству» как главному

⁹⁵ Флоровский Г. В., *прот.* Пути русского богословия... С. 247.

⁹⁶ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 121.

⁹⁷ Там же. С. 121–122.

проводнику истинных национальных ценностей, ставя цель соединить русскую систему с европейским образованием⁹⁸.

Граф С. С. Уваров хорошо понимал опасность «отвлеченных теорий», творцы которых планировали «сделать Россию английскую, Россию французскую, Россию немецкую», не понимая, что «в тот момент когда Россия перестанет быть русской, она перестанет существовать вообще»⁹⁹. Сформулированная им триада «Православие. Самодержавие. Народность» стала основой российского просвещения и главным выражением русской идеи. С одной стороны, триада была ответом на не менее знаменитую триаду Французской революции 1789 г., а с другой — выражением старинного русского воинского девиза «За Веру, Царя и Отечество».

Конечную цель своей системы образования Уваров видел «в восстановлении в нас Святой Руси, но уже не в прежнем ограниченном виде, а в нынешнем, достойном великой Монархии и всеобщих успехов образованности»¹⁰⁰. Лучше многих в России зная политическую ситуацию в Европе, Уваров не питал восторженных надежд первых славянофилов. Его позицию можно назвать охранительной: «Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении, мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. <...> Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»¹⁰¹.

Уваровский идеал образования заключался в сочетании европейского просвещения с «русскими началами», в том, чтобы юношество «лучше знало Русское и по-Русски»¹⁰². Безусловно, профессор Московского университета С. П. Шевырëв искренне разделял это воззрение.

А. Н. Пыпин попытался составить понятие об этом направлении, дав ему весьма тенденциозное определение «официальной народности».

⁹⁸ Там же. С. 125–127.

⁹⁹ Шевченко М. «Каждый Русский должен служить Престолу». С. С. Уваров. (Часть I) // «Западная Русь». URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/714-l-r-i.html> (дата обращения: 25.01.2016).

¹⁰⁰ Уваров С. С. Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие // Журнал министерства народного просвещения. 1839. № 1. С. 3–4.

¹⁰¹ Никитенко А. В. Записки и дневник: в 3 т. Т. 1. М., 2005. С. 362.

¹⁰² Шевченко М. «Каждый Русский должен служить Престолу». С. С. Уваров. (Часть I).

При этом он утверждает, что в этом направлении нет ничего народного. Теоретическую сущность уваровской системы он усматривает в требовании безграничного авторитета власти, «самой полной опеки над всеми сторонами государственной, народной и общественной жизни», «чрезвычайное распространение бюрократии», «бесконтрольность чиновничества». Пыпин видит в «официальной народности» развитие «консервативной старины» времен позднего Карамзина и влияние «европейской реакции» в виде господства «Меттерниховой системы» периода реставрации и «полицейского государства». Подобная политика, по мнению либерального историка, вовсе не отвечала требованиям национального блага, «скорее терпящего великий ущерб» от «разъединения с интересами народной жизни»¹⁰³.

Собственно Шевырѐву как выразителю «официальной народности» Пыпин уделяет не более страницы. Его труд «История русской словесности» он называет «образчиком» «немудреной теории», суть которой заключается в «принижении личности»¹⁰⁴. По поводу же присущего писателям этой школы патриотизма Пыпин безосновательно заявляет, будто «любовь к „своему русскому“, „народному“, к сожалению... служила подкладкой и предлогом для обскурантизма, у одних простодушного и происходившего только от недостатка образования, у других сознательного и злостного»¹⁰⁵.

К сожалению, под влиянием А. Н. Пыпина возникла устойчивая идеологическая конструкция в виде «теории официальной народности», которая была противопоставлена как западничеству, так и славянофильству. Причем в последнем наиболее подчеркивались оппозиционные и либеральные черты. Современные исследования таких концептов, как «официальная народность» и «славянофильство», раскрывают их идеологическую тенденциозность, особенно первого из них. В частности, Н. И. Казаков убедительно раскрыл несостоятельность данного А. Н. Пыпиным определения «официальной народности» как крепостничества. По мнению исследователя, понятие народности было выдвинуто самим графом С. С. Уваровым и воспринято большинством его современников

¹⁰³ Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов... С. 67–68.

¹⁰⁴ Там же. С. 106–107.

¹⁰⁵ Там же. С. 101.

как «призыв к развитию и утверждению самобытно русской национальной культуры»¹⁰⁶.

Также недостаточно проясненной остается до сих пор и связь С. П. Шевырёва со славянофильством. Историки русской мысли неоднократно отмечали, что термин «славянофильство» первоначально был введен западниками как кличка, но, тем не менее, закрепился в исторической литературе до наших дней. Большинство славянофилов, скептически относясь к этому прозвищу, справедливо полагали, что оно не выражает сущности нового направления, и определяли себя по-другому — «русское направление» (К. С. Аксаков), «московское направление» (Ю. Ф. Самарин), «самобытники» (А. И. Кошелев) и т.п. Широко известно определение славянофильства у Н. А. Бердяева: «первая попытка нашего самосознания», «первая самостоятельная идеология», ответ на вопрос «что такое Россия, в чем ее сущность, ее призвание и место в мире»¹⁰⁷.

В. А. Фатеев отличительным признаком, объединяющим большинство славянофилов, называет понятие «народности», которую они ставили выше самодержавия¹⁰⁸. Он отмечает, что критика славянофилами Запада основана не на незнании ими европейского уклада и не на собственной национальной гордости и высокомерии, а наоборот, на глубоком проникновении в суть западной цивилизации, которое и привело их к разочарованию и неприятию ее духовных оснований¹⁰⁹.

Большинство приведенных выше характеристик славянофильского движения можно отнести и к С. П. Шевырёву. Характерно, что как первые славянофилы, так и первые западники не отделяли его от этого движения. Свидетель и участник споров 40-х годов соратник Шевырёва М. П. Погодин на склоне лет в полемике с А. Н. Пыпиным написал блестящую статью «К вопросу о славянофилах». Он, в частности, отмечает: «...ни один из западников не был так знаком с западом, во всех отношениях, как славянофилы; ни один не изучал его с таким вниманием, постоянством, как Хомяков, Киреевский, Шевырёв», которым Грановский, Герцен и другие «первые западники» уступали

¹⁰⁶ Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст –1989. М., 1989. С. 33, 37.

¹⁰⁷ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Томск, 1996. С. 5.

¹⁰⁸ Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути. Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: Антология. 2-е изд. СПб., 2009. С. 10–11.

¹⁰⁹ Там же. С. 17.

во всех спорах, «Белинский ничего не знал порядочно; начав и кончив свое образование в „Телеграфе“, который был для него гимназией, университетом и академией, „пел с голосу“»¹¹⁰. Касаясь «главных положений» славянофильства, Погодин «средоточием всей системы» называет «русскую самостоятельность, своеобразность, одним словом, народность, национальность»¹¹¹.

Но, пожалуй, лучшее определение славянофильства дал сам Шевырѐв. Он выводит его из стремления осознать то, что «составляет существенную основу русского человека, его характер, его религиозные и нравственные начала, его первоначальное устройство общественное, его коренные свойства, его взгляд на мир, его отношения семейные, его отношения к народам иноземным — и утвердившись в этом сознании, с новой своей точки зрения, без предубеждений посторонних, без убеждений невозможных, из сферы своей народной жизни, взглянуть и на развитие других народов: словом, сказалась потребность самобытности русской в деле сознания, потребность науки живой, а не чуждой и отвлеченной»¹¹².

Именно такое понимание народности Шевырѐв раскрыл в своих работах в журнале «Москвитянин». Действительно, говоря о главных направлениях деятельности С. П. Шевырѐва в 1840-е годы, нельзя не отметить его активное участие и ключевую роль в издании этого единственного московского литературно-критического «толстого» журнала, объединившего лучшие консервативные и славянофильские силы. Последнее, т.е. участие в журнале А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и их соратников, нужно особо подчеркнуть, т.к. славянофилы в 1840-е годы не имели собственного печатного издания.

* * *

Журнал «Москвитянин», созданный при активном участии В. А. Жуковского и покровительстве графа С. С. Уварова, на протяжении 15 лет, с 1841 по 1856 гг., оставался крупнейшим консервативным журналом «православно-русского направления», исповедующим триаду «Православие. Самодержавие. Народность». Шевырѐв заведовал в журнале литературной критикой при редакторе-издателе М. П. Погодине, сумевшем

¹¹⁰ Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // Славянофильство: pro et contra... С. 400.

¹¹¹ Там же. С. 408.

¹¹² Шевырѐв С. П. Отголоски. О новом происхождении имени Славян и Славянофилов // Избранные труды... С. 310.

объединить вокруг издания лучшие литературные и философские силы России: с журналом сотрудничали В. А. Жуковский, К. С. Аксаков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, В. И. Даль, М. А. Дмитриев, И. И. Дмитриев, М. Н. Загоскин, И. В. Киреевский, А. С. Стурдза, К. К. Павлова, Е. П. Ростопчина, Н. М. Языков, А. С. Хомяков, А. А. Фет, А. А. Григорьев, иерархи Русской Церкви митр. Филарет (Дроздов), архиепископ Иннокентий (Борисов) и др.

Журнал вел философскую полемику с органами русского западничества — петербургскими журналами «Отечественные записки» А. А. Краевского и знаменитым пушкинским «Современником», который стал рупором радикальных идей В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. И. Огарева и др.¹¹³

В отличие от западных журналов, рассчитанных на массовую аудиторию, «Москвитянин» имел небольшой тираж и оставался энциклопедическим и «учено-литературным» изданием. Это хорошо просматривается в структуре каждого отдельного номера, состоящего из шести разделов, расположенных по порядку: Русская словесность, Иностранная словесность, Науки и искусства, Критика и библиография, Разные известия, Смесь. Особо нужно выделить раздел «Духовное красноречие», в котором давались материалы по истории Русской Церкви.

Уже первый номер журнала, призванного «знакомить публику с национальными духовными богатствами», содержал ряд программных произведений. К ним относятся «Петр Великий» М. П. Погодина, «Взгляд Русского на образование Европы» Шевырёва, «Москва» («Город чудный, город древний...») Ф. Н. Глинки. В совокупности своей они содержали самобытную программу «православно-русского» направления. Вышедший из печати первый номер журнала был одобрен С. С. Уваровым и представлен императору Николаю I, что только закрепило в глазах демократического общественного мнения репутацию его издателей как «холопов знаменитого села Поречья», по выражению Белинского¹¹⁴.

¹¹³ Единомышленник С. П. Шевырёва поэт-славянофил Н. М. Языков писал Н. В. Гоголю 27 октября 1846 г.: «„Современник“ купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно с будущего 1847 года сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием щелкоперов» (В. Г. Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848). Комм. Л. Р. Ланской // Литературное наследство. Т. 56: В. Г. Белинский. Ч. II, М., 1950. С. 184).

¹¹⁴ К. В. Ратников раскрыл идейную и научную составляющие визитов петербургской и московской профессуры, в т.ч. Шевырёва и Погодина, в имение графа С. С. Уварова Поречье для участия в «академических беседах», своего рода научных конференциях.

Главный тезис статьи Погодина – утверждение преемственности между Петром I и Николаем I. Период русской истории от Петра I до Александра I историк называет «европейским». С императора Николая I, «которого Министр, в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил народность... начинается новый период Русской Истории, период *национальный*, которому, на высшей степени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей Истории Европы и человечества»¹¹⁵.

Статья Шевырёва «Взгляд русского на современное образование Европы» начинается с формулирования тезиса о противостоянии России и Запада: «Запад и Россия стоят друг перед другом, лицом к лицу! Увлечет ли нас он в своем всемирном стремлении? Усоит ли себе? Пойдем ли мы в придачу к его образованию? Составим ли какое-то лишнее дополнение к его истории? Или устоим мы в своей самобытности?»¹¹⁶. Сможет ли Россия образовать особый мир по своим, а не европейским началам? Станет ли она «зерном» будущему развитию всего человечества? Эти вопросы уже несколько лет обсуждались в московских славянофильских кругах, но обнародованы публично были именно Шевырёвым. В историософии Шевырёва противостояние России и Запада трактуется как «последнее слово Истории», как результат, вытекающий из всего предыдущего исторического развития. В современном историческом моменте Шевырёв видит «минуту великую и решительную»¹¹⁷. Ответ на вопрос о возможности самобытного существования русского мира дает тысячелетняя история русского народа, смысл которой есть тайна. Ответ этот возможен через сопоставление русской и европейской образованности, объемлющей «религию, науку, искусство и словесность, последнюю как самое полное выражение всей человеческой жизни народов»¹¹⁸.

Для общей характеристики современной западной образованности Шевырёв обращается к четырем ведущим европейским державам – Италии, Англии, Франции и Германии. Италия, столь близкая

Отчеты о последних публиковались в журнале «Москвитянин». См.: Ратников К. В. Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Порече (Идеологическая стратегия графа С. С. Уварова и его единомышленников). Челябинск, 2006.

¹¹⁵ Погодин М. П. Петр Великий // Погодин М. П. Избранные труды. М., 2010. С. 242.

¹¹⁶ Шевырёв С. П. Взгляд русского на современное образование Европы... С. 171.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 172.

его сердцу, представляет собой «мир отживший, но вечный», «могилу прошедшего», хранительницу всей роскоши «благообразной древности», «сокровищ идеального мира фантазии», она выступает «в жалком рубище нищеты», но «очаровывает звуками» и «блещет нестареющей красотой»¹¹⁹. Согласно Шевырёву, Италия уже осуществила свою историческую миссию — она «эстетически воспитала Европу», «Ее искусство стало собственностью всего образованного человечества».

Полной противоположностью Италии в историософии Шевырёва является Англия, которая «корыстно присвоила себе все блага существенные житейского мира» и «хочет опутать весь мир узами своей торговли и промышленности»¹²⁰. Если Италия, по учению философа, символизирует «идеальный мир фантазии и искусства», «шумный пир гуляющего народа», «легкость, беспечность, веселье» и «ничтожность и бессилие политическое», то Англия для него — «ненасытимая сила колониальная», «средоточие и держава современной политики»¹²¹.

Намного большее значение для России имеют две другие европейские державы — Франция и Германия, в силу их огромного и продолжающегося влияния на послепетровскую образованную Россию. Эти две страны в эпоху Нового времени стали сценой, на которой развернулись две «переломные болезни» — Реформация и революция. Именно для характеристики этих двух стран Шевырёв прибегает к образу разлагающегося гнилого Запада¹²², несущего в себе «признак грядущего саморазрушения», образу «пресытившегося хозяина», который, «обольстив нас всеми прелестями великолепного пира, развратит ум и сердце наше»: «Да, в наших искренних, дружеских, тесных сношениях с Западом мы не замечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферой опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!»¹²³.

¹¹⁹ Там же. С. 172.

¹²⁰ Там же. С. 172.

¹²¹ Там же. С. 181–182.

¹²² Наиболее глубокий анализ темы см.: *Струве П. Б. С. П. Шевырёв и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом» или «гниющем» Западе. Изыскания, сопоставления и материалы // Записки русского научного института в Белграде. Белград, 1940. Вып. 17. С. 201–263.*

¹²³ *Шевырёв С. П. Взгляд русского на современное образование Европы... С. 190.*

Источник и существо французского «великого недуга» — «разврат личной свободы», ведущий ее к полному отходу от христианства и переходу к какому-то новому язычеству, «бездушную искусства»: «Народ, который злоупотреблением личной свободы уничтожил в себе чувство Религии, обездушил искусство и обесмыслил науку, должен был, разумеется, злоупотребление свободы своей довести до высшей степени крайности в литературе...»¹²⁴. Ярким примером господства материализма является современная французская литература, «безобразная своим содержанием», превратившаяся в «летопись всего, что только может безобразить человечество»¹²⁵.

Если французская нация поражена «злым червем, растущим из болезненного гниения жизни», то германская нация поражена самым полным «развращением мысли», порожденным Реформацией. Именно в этой «неосязаемой умственной сфере» благоразумный и верный в государстве, обществе и семье немец становится «буйным, неистовым, насилующим все, не признающим над мыслью своею никакой иной власти»¹²⁶.

Протестантизм — главный источник болезни, «рушит все предания и водворяет совершенную, полную свободу, нарушающую всякое единство, всякую возможность целостности»¹²⁷. Германская философия — порождение протестантизма, — увлеченная «гордостью разума», подобно папству, заявила о своей непогрешимости. В гегельянстве, своем «последнем слове», она решительно отказалась подчиниться христианской религии. Раздор между философским и религиозным началами Шевырёв называет «Ахилловой пятой» Германии. Но первоначальный корень зла он, как и первые славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский) видит в папстве — «главном начале западного развития»¹²⁸.

Все направление современного развития Франции и Германии полностью противоречит «жизненному началу» России, которая «сохранила свое заветное и вседержашее единство», «не делила с ним его недугов», а «в роковую минуту, может быть, она же назначена от Провидения быть великим Его орудием к спасению человечества»¹²⁹.

¹²⁴ Там же. С. 198.

¹²⁵ Там же. С. 200–201.

¹²⁶ Там же. С. 205.

¹²⁷ Там же. С. 212.

¹²⁸ Там же. С. 216.

¹²⁹ Там же. С. 217.

Среди трех недостатков современной русской литературы, отмечаемых Шевырёвым — нерешительности (недостатке воли отказаться от общения с современным Западом: «мы должны по неволе ограничиться богатым протекшим Западом и искать своего в нашей древней Истории»), недоверчивости к собственным силам и холодной русской апатии, обратимся ко второму из них. «До каких же пор мы будем жадно глотать одни готовые результаты, выведенные там из образа мыслей, нам совершенно чуждого и несогласного с нашими преданиями? Неужели не чувствуем мы в себе на столько сил, чтобы самим приняться за источники и в самих себе открыть новое свое воззрение на всю Историю и Словесность Запада?»¹³⁰

Однако важнее указанных трех недостатков, явившихся неизбежным следствием сношений с Западом, оказываются в программе Шевырёва три «коренные чувства, в которых семя и залог нашему будущему развитию». Эти три чувства представляют собой глубокое и оригинальное осмысление триады С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность».

Первый элемент триады у Шевырёва предстает как «древнее религиозное чувство», второй элемент как чувство государственного единства, где «Царь и народ составляют одно неразрывное целое», а связь между ними утверждается на «бесконечной преданности народа Царю». Эти чувства — «неиссякаемый источник государственного могущества», на который с «завистью смотрит разделенный в себе Запад, который стремится отнять его».

Третья часть уваровской триады формулируется С. П. Шевырёвым как «сознание нашей народности и уверенность в том, что всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народною мыслию и словом»¹³¹. Чувство это выразилось в лучших произведениях русской словесности — у М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, выразилось вопреки современным европейским влияниям. Это чувство направляет российскую образованность к изучению Древней Руси, «в которой конечно хранится первоначальный чистый образ нашей народности»¹³². Важно упоминание в статье «Мужа Царского Совета» — графа С. С. Уварова, который

¹³⁰ Там же. С. 218.

¹³¹ Там же. С. 221.

¹³² Там же.

«выразил их [„русские начала“] глубокою мыслию», положив в основу народного воспитания.

В заключение своей статьи Шевырѐв выражает надежду на участие Божественного Провидения в судьбе России: «В гибельные эпохи переломов и рушений, какие представляет история человечества, Провидение посылает в лице иных народов силу хранящую и соблюдающую: да будет же такую силою Россия в отношении к Западу! да сохранит она на благо всему человечеству сокровища его великого протекшего и да отринет благоразумно все то, что служит к разрушению, а не к созиданию! да найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный, в котором все чужое, но человечески прекрасное сольется с Русским духом, духом обширным, вселенским, Христианским, духом всеобъемлющей терпимости и всемирного общения!»¹³³.

Как отмечал Н. П. Барсуков, именно Шевырѐв с «особенною силою и самоотвержением» проповедовал «Православно-русское направление», выступал с критикой «дерзких и невежественных выходов» Белинского и «Отечественных записок» «против начал Русской жизни», защищая эти начала от «площадного хохота и шутовства»¹³⁴.

Программной работой, открывающей второй год издания «Москвитянина», стала статья Шевырѐва «Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная» («Москвитянин». 1842. № 1. С. I–XXXII). Статья не только продолжила разработку триады «Православие. Самодержавие. Народность», но и выразила критику «черной стороны» современной литературы, т.н. «журнальных кондотьери», «рыцаря без имени», облаченного в «литую броню наглости», скрывающую «самое невинное невежество». В этом образе узнавался ведущий критик журнала «Отечественные записки» В. Г. Белинский.

Раскрывая тезис о том, что «литература всякой нации» есть «словесное выражение всей ее жизни», Шевырѐв сравнивает современную русскую литературу с древнерусской: «Древняя Русь в жизни своей раскрыла три элемента главных: первый, важнейший, был элемент Церкви, чистый и духовный; второй государственный; третий — народный»¹³⁵. Первый элемент выразил себя в церковной словесности — в переводах Священного Писания, святых Отцов Церкви, в богослужбной литера-

¹³³ Там же. С. 222.

¹³⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 6. С. 77.

¹³⁵ Шевырѐв С. П. Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная // Москвитянин. 1842. № 1. С. VI.

туре. Второй проявился в государственных летописях, авторы которых (духовные лица) выразили религиозно-этический взгляд на историю. Третий раскрылся в песнях, сказках, пословицах, «обнимавших весь быт народа и дух его». Однако в древнерусской словесности не было научного и общественного направления. Они оказались возможны после преобразований Петра Великого. Если Ломоносов заложил зерно научной литературы, то Карамзин — общественной. Пушкин совершил «подвиг поэтического образования в Русском народе», связав его с жизнью общественной: «При Ломоносове чтение было напряженным занятием; при Екатерине стало роскошью образования, привилегией избранных; при Карамзине необходимым признаком просвещения; при Жуковском и Пушкине потребностью общества»¹³⁶. За 100 лет великие русские писатели сотворили из русского языка «могучее Русское орудие всечеловеческого духа, изящную и народную нашу оправу для всемирной мысли и всемирного чувства», «породили в обществе Русском благородную жажду к чтению»¹³⁷. Однако «святое дело» русской литературы было искажено людьми «пришлыми», «незванными», превратившими ее в источник обогащения. С. П. Шевырѐв смело вскрывает обнаруженную им болезнь современной русской литературы, проявившуюся наиболее ярко в фигуре «литератора-промышленника». Последний, по мысли критика, исказив русский язык, превратил его в «легкое средство говорить обо всем не мысля», распространять не мысли, а «пошлые общие места, плодить не образованных читателей, а «пустых потребителей праздного чтения», «исказив их вкус и угодив их невежеству пошлым шарлатанством»¹³⁸.

«Литератор-промышленник» — это «авантюрист без отчизны», чуждый всяких умственных убеждений, выбравший нашу литературу своим новым приключением, навязывающий читателям «дух торговой оборотистости», удовлетворяя их низменные страсти. Именно «литератор-промышленник» делает характер нашей журнальной критики безымянным, заполняя ее «пересмешничеством», «наглыми ухватками». Тип журнального пересмешника породил целое «отродье» подражателей, главную роль среди которых играет «рыцарь без имени», который не желает уважать никаких преданий.

¹³⁶ Там же. С. XII.

¹³⁷ Там же. С. XII–XIII.

¹³⁸ Там же. С. XVII.

Критик «Москвитянина» заканчивает статью утверждением, что «вся читающая Россия находится теперь в руках литературы промышленной». Статья стала важной вехой в полемике «православно-русского направления» с западниками. Представляет интерес упрек в пассивности, адресованный московскому кружку славянофилов во главе с А. С. Хомяковым: «Довольствуясь мирными беседами приятельскими, расточая в них по мелочи игру живых способностей, более и более отвыкая от труда и частыми отказами отучая от себя вдохновение... в праздной апатии уступают главные роли литераторам-промышленникам — и вот отчего современная литература наша разбогатела деньгами и обанкротилась мыслию»¹³⁹.

Самый известный ответ на эту статью был напечатан в главном печатном органе западников — журнале «Отечественные записки» (1842. Т. XXI. № 3), за подписью В. Г. Белинского. Если статья Шевырѐва была выражением его искренней боли за русскую литературу, указывала на острые проблемы российской журналистики, то статья Белинского — это именно фельетон, то самое выражение «насмешливости», о котором писал автор «Москвитянина». Бойким журналистским пером Белинский рисует карикатуру на своего противника, выводя Шевырѐва в жалкой личине «романтика-педанта» Лиодора Ипполитовича Картофелина, высмеивая его внешность и привычки: «натянутую важность лица, при смешной фигуре и круглом брюшке», которая «делала его похожим на лягушку»¹⁴⁰. Знаменитый критик отрицает за своим персонажем наличие литературных талантов, педант выводится как автор «предиких стихотворений», слог которого «стал дик до последней степени», осмеивает его нравственный облик — «лицемерный моралист и ханжа», «нет существа более его способного быть низким и злым», «он не что иное, как раздутое самолюбие». В. Г. Белинский доходит до того, что патриотизм своего персонажа выводит из его способности «восхищаться по служебной обязанности родиною». Разделавшись с Шевырѐвым, навесив на него ярлык педанта, в заключение своего фельетона все сильный критик «Отечественных записок» не пощадил и его многолетнего соратника М. П. Погодина, выведя его под маской «литературного циника» — спекулянта, наживающегося на «перепродаже мусора» и выдающего себя за ученого и литератора. Покончив с литературными

¹³⁹ Там же. С. XXII.

¹⁴⁰ Белинский В. Г. Педант. Литературный тип // Шевырѐв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 331.

репутациями двух уважаемых профессоров Московского университета, «неистовый Виссарион» подводит жирную черту под всей «православно-русской партией», выводя общество «Наших» как сборище фельетонистов, нувеллистов, водевилистов, стремящихся на корню погубить «все, в чем есть жизнь, душа, талант»¹⁴¹.

Насколько сложной и тяжелой была борьба «Москвитянина», и прежде всего С. П. Шевырёва, за «русские начала», показывает известная запись в «Дневнике» М. П. Погодина слов графа А. П. Толстого: «По утру был граф Толстой, с которым много говорил и о России нынешней и прошедшей. Журнал ваш запретят, сказал он, потому что в нем слишком ясен Русский дух и много Православия. Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она имеет свое начало в чужих краях, трепещущих России и действующих через золото»¹⁴².

Однако у «Москвитянина» были не только явные и тайные враги, но и могущественные покровители. Кроме графа С. С. Уварова, еще одним заступником журнала в высших сферах был военный генерал-губернатор Москвы в 1820–1844 гг. князь Дмитрий Владимирович Голицин (1771–1844), известный благотворитель и любитель московской старины.

В 1847 г., пережив некоторые трудности с выходом номеров, журнал опубликовал обновленную программу. Своей целью он заявил «сообщать сведения об Отечестве, России, столь мало нам известной, не опускающая из виду важнейших Европейских явлений, особенно тех, кои могут иметь на нас влияние»¹⁴³. В обновленном составе редколлегии выделяются разделы истории (академик М. П. Погодин), литературы русской и иностранной (профессор С. П. Шевырёв, который будет «по-прежнему» предлагать критические разборы литературы, «имея в виду эстетическое достоинство их и общественное значение. Все статьи его будут означаться его именем»), достопримечательности Москвы (И. М. Снегирев), европейское обозрение (А. А. Григорьев), исторические материалы (И. Д. Беляев).

Редакция подчеркивает верность избранным принципам: «Дух и направление *Москвитянина* неизменны. Своенародность — вот его характер. Познай самого себя — его цель. Почтение к Истории, к преданию, вместе с желанием успеха поступательному движению вперед, — его

¹⁴¹ Там же. С. 333–334.

¹⁴² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 6. С. 53.

¹⁴³ Там же. Кн. 9. С. 369.

правила. Петербургские журналы смотрят больше на Европу, *Москвитянин* на Россию, сочувствуя впрочем Европе. Так он шел семь лет...»¹⁴⁴.

Как повествует Н. П. Барсуков о Шевырёве, «он один из всех друзей Погодина... ратовал в *Москвитянине* в защиту доброго предания против сильных и числом и талантами, и единоклещем, и трудолюбием Западных». О его занятии в университете дают представление строки из письма Погодину: «Я от 10 часов до 4 занят в Университете. Вечером читаю упражнения студентов, которых более шестисот. У меня дела деканские, протоколы, экзамены учителей, учительниц, Финляндских уроженцев и проч. <...> Я рад всем этим пожертвовать — лишь бы пошло дело, и ты возвратил бы дух бодрости и спокойствия»¹⁴⁵.

Поэт М. А. Дмитриев в письме Погодину выражает свое сочувствие журнальным трудам Шевырёва: «С нетерпением буду ожидать его новых статей, его подвигов против Искандера. Это дело за религию и философию; не надобно только давать отдыхать оружию в правой войне за истину»¹⁴⁶.

Дмитриев затронул в своем письме вопрос полемики С. П. Шевырёва с А. И. Герценом, с 1836 г. выступавшим в печати под псевдонимом Искандер. В. Г. Белинский, в одной из последних своих статей, «Взгляд на русскую литературу 1847 года», провозгласил верховенство в современной отечественной литературе т.н. «натуральной школы», во главе которой стояли такие молодые литераторы, как А. И. Герцен, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Д. В. Григорович и др. Шевырёв в первом номере «*Москвитянина*» за 1848 г. выступил против «натуральной школы» со статьей «Очерки современной русской словесности». Критик «*Москвитянина*» обнаруживает любопытное противоречие в сочинениях литераторов этой школы. Он пишет, что натуральная школа «считает себя последним лучшим плодом новоевропейской России, цветом Петровского периода, который достиг в ней до полного сознания; она отнимает вовсе всякое значение Древней Руси и видит в ней совершенное отсутствие нравственного и умственного просвещения, которое началось только с Петра, — а между тем никто до сих пор с таким ожесточением не изображал новую нашу действительность, как эта школа... Во всей этой грустной действительности хорошее признает школа только разве в самой себе, в своих личностях, развивших внутренне роковое

¹⁴⁴ Там же. С. 372.

¹⁴⁵ Там же. С. 388.

¹⁴⁶ Там же. С. 389.

и ужасное сознание о пустоте целого. Тут опять высокомерие личностей выдается резко над презрением всех»¹⁴⁷.

Эта статья Шевырёва, как и большинство его работ в «Москвитянине», вызвала новую волну острой полемики, в которой участвовали журналы «Отечественные записки», «Современник», барон Е. Ф. Розен, Ф. В. Булгарин и др. Наиболее ярким откликом можно назвать статью М. А. Дмитриева «О натуральной школе и народности», опубликованную в 1848 г. в «Москвитянине». В ней он справедливо отмечает, что для того чтобы художественно изобразить русского человека, его нужно знать. Знание это дает история и живое общение с народом. Но ничего этого он не обнаруживает в сочинениях «натуральной школы», совершенно незнакомой с патриархальной жизнью провинциальной России. В письме к Погодину от 1 августа 1848 г., сопровождавшем статью, Дмитриев выражает опасения по поводу возможных препон со стороны цензурных чиновников, утративших православно-русское воззрение на литературный процесс: «Одно слово *национальность* возбудит ужас в людях, которые полагают себя приставленными к тому, чтобы не пропускать ни одной истины, ни одной мысли. Как же это во всех отчетах Министерства Просвещения, во всех газетных статьях твердят, что Правительство развивает народность и проч., а в самом деле боятся, чтобы народ себя не понял»¹⁴⁸.

Шевырёв был одним из немногих русских критиков, в целом положительно оценивших последнюю книгу Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Его рецензия была помещена в № 1–2 «Москвитянина» за 1848 г. «Самую замечательную сторону» книги он увидел в сознании писателем «тех начал Русской жизни, которые не только дают Русскому человеку право стремиться к воплощению в себе высшего идеала человека», но и «побудить его на совершение этого подвига»¹⁴⁹.

Для критика «Москвитянина» особенно важно раскрыть существенные мысли Н. В. Гоголя о русском народе и русской жизни, и в первую очередь живое сочувствие писателя «Русской Церкви, без благословения которой невозможно прививать у нас европейское просвещение, а также сочувствие и глубокое уважение к Русскому народу, в особенности Русскому крестьянину», презираемому многими современными писателями. Главный вывод статьи Шевырёва о Гоголе: его последняя книга

¹⁴⁷ Там же. С. 391.

¹⁴⁸ Там же. С. 395.

¹⁴⁹ Шевырёв С. П. Выбранные места из переписки с друзьями Гоголя // Шевырёв С. П. Избранные труды... С. 296.

показывает идейный разрыв писателя с натуральной школой — «с теми, которые думали от него вести свое происхождение». По словам критика «Москвитянина», своей книгой Гоголь открывает «тайну своих внутренних убеждений в коренных началах Русской жизни Русского народа», именно здесь «полагает настоящую нашу действительность»¹⁵⁰.

Неслучайно постоянный автор журнала поэт и критик М. А. Дмитриев в письме к Погодину от 20 ноября 1847 г. характеризует «Москвитянин» как «последнее убежище доброй мысли и благонамеренного слова», «единственное средство противоборству антирелигиозным идеям и литературной анархии петербургских журналов»¹⁵¹.

На протяжении всего периода существования журнала заявленное им «православно-русское» направление оставалось неизменным. В 1860 г. сотрудник «Молодой редакции» «Москвитянина» (1850–1857) А. А. Григорьев в своем прошении в Московский цензурный комитет писал: «Дух и направление „Москвитянина“ остаются неизменными. Своенародность — вот его цель. Почтение к истории и преданию вместе с сочувствием к правильному развитию и с желанием горячим и искренним успеха всякому благу начинанию — вот его начала. Противодействие всему ложному в литературе и в жизни было, есть и будет его непреломною обязанностью»¹⁵².

* * *

Но полемика «православно-русского» направления с западническим разворачивается не только на страницах толстых журналов. Одним из эпицентров идейной борьбы становится в 1840-е гг. Московский университет. Большая часть профессуры его разделилась на две группировки, окончательное самоопределение которых произошло непосредственно в ходе специально устроенных публичных лекций двух признанных вождей обеих партий.

23 ноября 1843 г. лидер московских западников тридцатилетний профессор Московского университета Т. Н. Грановский открыл курс публичных лекций по истории западноевропейского Средневековья. В своих

¹⁵⁰ Там же. С. 309.

¹⁵¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. С. 363.

¹⁵² Зильберштейн И. С. Аполлон Григорьев и попытка возродить «Москвитянин» (накануне сотрудничества в журнале «Время»). Публикация и комментарии Л. Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86. М., 1973; Электронный вариант: Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0480.shtml (дата обращения: 25.01.2016).

лекциях Грановский дал обоснование исторической теории западничества, опирающееся на философию гегельянства — учение о закономерности и прогрессивности хода истории. Прогресс он видел в распространении европейского просвещения, в «нравственном совершенствовании людей».

Пolemический настрой Грановского убедительно демонстрирует его личная переписка. Так, за неделю до первой лекции он писал Н. Х. Кетчеру: «...Вообще хочу полемизировать, ругаться и оскорблять. Елагин сказал мне недавно, что у меня много врагов. <...> источник вражды в противоположности мнений. Постараюсь оправдать и заслужить вражду моих „врагов“»¹⁵³. А в письме к Кетчеру от начала декабря 1843 г., после четвертой лекции курса, Грановский отмечает: «Шевырёва я уже несколько раз выводил на сцену: я указывал на него, когда говорил о людях, отрицающих философию истории, я говорил о нем по поводу риторов IV и V века, по поводу язычников староверов»¹⁵⁴.

Погодин записал в своем дневнике: «23 ноября 1843. Был на лекции у Грановского. Такая посредственность, что из рук вон. Это не профессор, а Немецкий студент, который начитался Французских газет. Сколько пропусков, какие противоречия. России как будто в Истории не бывало. Ай, ай, ай! А я считал его еще талантливее других. Он читал точно Псалтырь по Западу. И я, слушая его, думал об отпоре. Надо начать лекции с того, с чего он остановился и указать Русскую точку Всеобщей Истории. 24. Думал о лекциях антизападных. 27. <...> На лекции у Грановского. Очень незрело. <...> 2 декабря. Шевырёв рассказывал о третьей лекции Грановского. Христианство в стороне»¹⁵⁵.

Шевырёв не мог не откликнуться на это значительное событие московской жизни в печати и опубликовал в журнале «Москвитянин» критический разбор лекций, в котором отметил, что «все славные имена науки были принесены в жертву одному имени, одной системе односторонней <...> Гегелю»¹⁵⁶. На это Т. Н. Грановский был вынужден отвечать публично, с кафедры, по окончании одной из своих лекций. В дневнике Герцена от 21 ноября 1843 г. приводятся слова Грановского: «Я считаю необходимым оправдаться перед вами в некоторых обвинени-

¹⁵³ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II. С. 459.

¹⁵⁴ Там же. С. 460.

¹⁵⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 7. С. 115–116.

¹⁵⁶ Шевырёв С. П. Публичные лекции по истории средних веков г. Грановского. Письмо в губернию // Москвитянин. 1843. № 12. С. 521–530.

ях на мой курс. Обвиняют, что я пристрастен к Западу; я взялся читать часть его истории, я это делаю с любовью и не вижу, почему мне должно бы читать ее с ненавистью. Запад кровавым потом выработал свою историю; плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить его? Если б я взялся читать нашу историю, я уверен, что и в нее принес бы ту же любовь. Далее меня обвиняют в пристрастии к каким-то системам; лучше было бы сказать, что я имею мои ученые убеждения; да, я их имею, и только во имя их я явился на этой кафедре...»¹⁵⁷.

Ответом С. П. Шевырёва партии западников стал его публичный курс лекций по русскому Средневековью, который он начал читать 25 ноября 1844 г., а закончил 30 апреля 1845 г. Если «прозападный» курс Грановского был выступлением партии западников, то курс Шевырёва стал выступлением всего «православно-русского» направления. Степан Петрович накануне лекций причащался Святых Таин, подолгу молился перед частицей мощей св. Кирилла Белозерского, читал житие святого: «Бог благословил меня. Недаром я накануне провел час в молитве и чтении жития св. Кирилла перед его мощами...» — писал он М. П. Погодину¹⁵⁸.

Православную направленность шевырёвского курса сразу почувствовали западники, отрицательно относившиеся к Русской Церкви. Так, Герцен спустя много лет, в 1861 г., вспоминал: «Трудно было возбудить сочувствие, говоря о прелестях духовных писателей Восточной церкви и подхваливая Греко-российскую церковь»¹⁵⁹.

Лекции Шевырёва стали не только проявлением межпартийной борьбы — он открывал образованному по-европейски российскому обществу богатейший мир русской литературы, которая «была искони сосудом Веры», «заклучала в себе душеспасительные книги», на которых «основано религиозно-нравственное могущество России, без которого ни реформа Петра, ни все за нею последовавшие и ожидаемые не имели бы своего правильного и прочного развития»¹⁶⁰.

Курс лекций Шевырёва стал выдающимся явлением всей культурной жизни Москвы. Сторонники православно-русского направления увидели в нем пробуждение России и победу «Русского духа». Так, очень высокая

¹⁵⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2: Статьи и фельетоны 1841–1846. Дневник 1842–1845. М., 1954; Электронный вариант: Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0400.shtml (дата обращения: 25.01.2016).

¹⁵⁸ Цит. по: Мартынов В. А. У истоков «русской идеи»... С. 171.

¹⁵⁹ Герцен А. И. Не наши // Славянофильство: pro et contra... С. 149.

¹⁶⁰ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 7. С. 456.

оценка дана лекциям Шевырёва в письмах выдающегося русского поэта Н. М. Языкова. 2 декабря он писал брату А. М. Языкову: «Шевырёвские чтения начались блистательно — гром рукоплесканий... Шевырёв открыл Америку — целую духовную литературу Древней Руси»¹⁶¹. Языков отдает себе отчет в том, что размышления о таком предмете не смогут найти сочувствие в «новомодной публике» и неизбежно станут объектом придинок со стороны «чаадаевской партии»¹⁶². В другом письме, М. А. Максимовичу, Н. М. Языков писал: «Читает прекрасно, и лекции превосходны: они не нравятся западникам, будучи написаны духом православия, а не их поганым...»¹⁶³. «Шевырёв торжествует. Чтения его так занимательны и сильны, что партия Чаадаева и партия Грановского — что почти одно и то же — кричат и вопят, видя его победу и одоление»¹⁶⁴.

Гоголь, прочитавший отрывок из вступительной лекции Шевырёва, остался очень доволен ею и написал в ответ Языкову о том, что «в первый раз преподносится наука в таком виде, в каком ей следует преподноситься в России и русским»¹⁶⁵.

А. С. Хомяков в письме к Ю. Ф. Самарину определяет прочитанные Шевырёвым лекции как «подвиг великий», как «истинный успех» и «торжество», даже несмотря на «явное несогласие большинства». Сравнивая достижения двух лекторов, Хомяков подчеркивает, что успех Грановского был «личным успехом», «успехом оратора», а «успех Шевырёва — успех мысли, достояние общее, шаг вперед в науке». Тем не менее, с горечью Хомяков отмечает, что «весь университет... держится другой стороны», а славянофильская «дружина ничтожна»¹⁶⁶.

Н. М. Языков в письме к брату А. М. Языкову от 3 марта 1845 г. отмечает: «Едва ли можно назвать духом партии действие, какое бы оно ни было, противу тех, которые хотят доказать, что они имеют не только право, но и обязанность презирать народ русский. <...> Лекции Шевырёва возбуждают их злость... тем, что в этих лекциях ясно и неоспоримо видно, что наша литература началась не с Кантемира, а вместе с самою Россией. Что эта литература развивалась совершенно сообразно развитию самой России до Петра. Шевырёв в этом смысле просто открыл Америку, а его противники говорят, что они все это знали прежде: они не знали,

¹⁶¹ Языков Н. М. Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 297.

¹⁶² Там же. С. 297.

¹⁶³ Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 303.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 306.

¹⁶⁶ Там же. С. 305.

не знают, не могут и не хотят знать всего, что было у нас написано до Петра. <...> А в защите правого и, могу сказать, чистого и даже святого дела — я никакой низости не вижу, какова бы форма этой защиты ни была: *есть то дух Божий и дух льстечь*»¹⁶⁷.

Идеологи западничества В. Г. Белинский, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен выступили с публичной критикой шевырѐвского курса. В Москве широко распространялся памфлет А. И. Герцена «Ум хорошо, а два лучше», а позднее в «Отечественных записках» был опубликован фельетон «„Москвитянин“ и вселенная».

Именно эти отзывы побуждают Н. М. Языкова к созданию 6 декабря 1844 г. знаменитого стихотворения «К ненашим», в котором он обличает вождей западничества в стремлении «испортить», «онемечить Русь». В стихотворении были выведены легко узнаваемые современниками лидеры «западнической партии» П. Я. Чаадаев («Ее торжественный изменник, Ее надменный клеветник»), Т. Н. Грановский («сладкоречивый книжник, / Оракул юношей-невежд»), А. И. Герцен («Поклонник темных книг и слов, / Восприниматель достослезный / Чужих суждений и грехов»). Поэт предрекает им бесславный конец: «Умолкнет ваша злость пустая, / Замрет неверный ваш язык: / — Крепка, надежна Русь святая, / И русский Бог еще велик!». Именно этот поэтический отклик на лекции Шевырѐва получил широкую известность и привел к окончательному размежеванию западников и славянофилов.

На основе прочитанных лекций С. П. Шевырѐв издает свой главный труд «Чтения по истории русской словесности». Не имея возможности дать обзор этого сочинения, остановимся на первой лекции, в которой ученый дает свое определение народности. Под народностью он понимает «совокупность всех духовных и физических сил, данных от Провидения какому-нибудь народу, чтобы он совершил на земле свое человеческое предназначение»¹⁶⁸.

Наиболее ярко народность выражается в слове: «Слово — невидимый образ народа», в нем рождается и выражается «душа народа» — носительница его духа. В своем труде ученый рассматривает, как «рождались и развивались постепенно душа и дух народа русского»¹⁶⁹. Он ставит перед собой задачу «раскрыть душу русского человека в его слове». Разъ-

¹⁶⁷ Языков Н. М. Свободомыслящая лира... С. 307–308.

¹⁶⁸ Шевырѐв С. П. История русской словесности, преимущественно древней // Шевырѐв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 81.

¹⁶⁹ Там же. С. 82.

ясняя причины, побудившие его внести в название труда добавление «преимущественно древней», автор обращает внимание на совершенную неизвестность древнего периода русской словесности, скрытого «блестящей завесой» петровских преобразований. Отмечая в современном образованном обществе искреннее стремление сблизиться с народом, Шевырёв справедливо подчеркивает, что, познавая древнее творчество русского народа, «раскрывая основу его бытия, мы раскроем основу и нашего бытия собственного», «которую сознать пришла нам пора и необходимость»¹⁷⁰.

Н. М. Языков сообщает Н. В. Гоголю 30 апреля 1846 г. о выходе из печати лекций Шевырёва и определяет их как «подвиг»: «...эти лекции — подвиг важный и бессмертный: теперь перестанут думать, что наша словесность началась с Кантемира. Также придет время, когда увидят, что и история наша началась не с Лефорта!!»¹⁷¹.

Наиболее интересным откликом на эти лекции стала рецензия И. В. Киреевского, опубликованная в «Москвитянине». Киреевский увидел в лекциях Шевырёва «открытие нового мира нашей старой словесности». Рецензент констатирует рождение новой науки — истории древнерусской литературы, ранее не существовавшей и получившей права гражданства. Однако, по мнению бывшего любомудра, лекции Шевырёва — это не только явление отечественной литературы и науки, но и нечто большее — новое событие «нашего исторического самопознания»¹⁷².

* * *

После революционных потрясений в Европе в 1848 г. патриархальная Москва рассматривалась многими в России как символ победы над Западом. Поэтому приезд в древнюю столицу императора Николая I с семьей в 1849 г. на освящение Кремлевского дворца был воспринят Шевырёвым, Погодиным и другими «москвитянами» как союз Царя и народа, символ единства всех сословий. Шевырёв откликнулся на это событие стихотворением и очерком. В стихах можно отметить риторическое обращение к Западу, бурлящему в вечных войнах и революциях, которому противопоставляется союз Царя с народом, «русской жизни добрый плод», и прямо указывается причина брани и ненависти Запада

¹⁷⁰ Там же. С. 93.

¹⁷¹ Языков Н. М. Свободомыслящая лира... С. 323.

¹⁷² Киреевский И. В. Публичные лекции профессора Шевырёва об истории русской словесности, преимущественно древней // Киреевский И. В. Критика и эстетика... С. 208.

к Руси — твердость и неуступчивость русского царя, верность русским началам¹⁷³.

В своей статье Шевырёв находит главным выражением русского праздника «мысль о нашем возлюбленном Отечестве, его несокрушимых силах, мысль, которая должна одушевлять нас везде. Мысль эта, выраженная на празднике „просвещенными“ москвичами нашла сочувствие в сердце „хозяина России“, который уже четверть века призывает нас, „чтобы мы возвратились в свое Отечество“»¹⁷⁴.

В 1851 г. С. П. Шевырёву была поручена кафедра педагогики Московского университета. Свое понимание предмета он изложил в программных статьях, опубликованных в Журнале министерства народного просвещения¹⁷⁵. Во «Вступлении в педагогию» ученый рассматривает последнюю как «часть Науки самопознания человеческого». Лекции Шевырёва называли «апофеозом русскости». В каждом выступлении ученого слышна боль о современном состоянии интеллигенции: «Сколько Русских людей, праздно живущих... лишь потому, что воспитание не только не связало их, но разорвало их связь с Отечеством»¹⁷⁶. «Создание Русских воспитателей: вот настоящая потребность нашего Отечества!» Главная задача «Русского воспитания» — «выработать Русский образ мыслей», исходящий из «сознания Русской жизни»¹⁷⁷. Особое внимание в своих лекциях по педагогике Шевырёв уделяет вере и Церкви. Так, в статье «О цели воспитания» он определяет эту цель как «искупление и спасение павшего человека». Самый первый вопрос о назначении человека «связывает Науку с Христианским Вероучением»¹⁷⁸. Огромное значение в деле воспитания принадлежит православному богослужению, которое должно напитать детские души: «все первоначальное религиозное воспитание у нас совершается в самом храме Божиим, под руководством матери-Церкви. Как же нам последовать совету Протестантской

¹⁷³ Шевырёв С. П. 27 марта 1849 года в Кремле // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 186.

¹⁷⁴ Шевырёв С. П. Русский праздник, данный в присутствии их императорских величеств 9-го и 11-го апреля // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 111.

¹⁷⁵ См. также: Гаврилов И. Б. «Философия воспитания» С. П. Шевырёва // Педагогический дискурс в литературе. Выпуск 9. Материалы девятой всероссийской научно-методической конференции. СПб., 2015. С. 101–102.

¹⁷⁶ Шевырёв С. П. Вступление в педагогию. Первые две лекции // Шевырёв С. П. Избранные труды... С. 332.

¹⁷⁷ Там же. С. 314–315.

¹⁷⁸ Там же. С. 322.

Педагогии, которая так ограничивает для детей посещение храмов?»¹⁷⁹. В противовес просветительскому универсальному взгляду на воспитание, он постоянно говорит о «Русском воспитании», в котором участвует не один только воспитатель, но вся Россия: «Православная Церковь, Государь, семья, общество, Государство, История Русская, Отечественный язык. Преступно было бы со стороны воспитателя явиться для своего питомца преградою этих живых, великих сил Отечества»¹⁸⁰.

Кульминацией общественной, научной и педагогической деятельности С. П. Шевырёва стало его участие в торжествах, посвященных 100-летию Императорского Московского университета, с которым ученый был связан еще со времен своей учебы в Благородном пансионе, и которому он отдал более двух десятилетий своей жизни в качестве преподавателя и организатора университетской науки. Подготовка к юбилею началась еще в 1850 г., когда был составлен проект празднования, утвержденный императором Николаем I 8 марта 1851 г. Было принято решение о создании ученого Комитета под председательством ректора А. А. Альфонского и товарища председателя, т.е. заместителя, профессора С. П. Шевырёва, при участии ведущих ученых Т. Н. Грановского, Ф. И. Буслаева, С. М. Соловьева и др. По воспоминаниям М. П. Погодина, «Шевырёв один вынес юбилей на своих плечах, работая, как вол, в продолжении трех лет»¹⁸¹.

Под редакцией С. П. Шевырёва к юбилею был выпущен фундаментальный труд «История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею 1755–1855», в котором все важнейшие события в жизни университета были построены по периодам царствования российских монархов от основательницы университета императрицы Елизаветы Петровны до «благословенно царствующего Императора Николая Павловича»¹⁸². Последний период представлен в книге как эпоха, подготовившая «начала для своеобразного развития всех духовных сил народа и государства Русского». Согласно «мысли и воле неусыпно деятельного Монарха», в его тридцатилетнее царствование были поставлены и решались такие важнейшие задачи, как «образова-

¹⁷⁹ Там же. С. 334.

¹⁸⁰ Там же. С. 334–335.

¹⁸¹ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве... С. 377.

¹⁸² Анализ этого труда см. в монографии: Парсамов В. С. «История императорского Московского университета» С. П. Шевырёва: исторический нарратив в политическом контексте: препринт WP6/2013/04 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013.

ние Русского народа на тех коренных началах, которые определяются его историею и составляют крепость его жизни»¹⁸³.

12 января 1855 г. С. П. Шевырѐв выступил на торжественном собрании с речью, в которой представил свое видение истории университета и российского просвещения в целом как неотъемлемой принадлежности российских монархов, выступающих в роли главных просветителей Отечества. Российские университеты, в отличие от европейских, возникли «не из противоборства разума и веры», они — «дар любви монархов наших русскому народу, плод их пламенного желания, их неусыпной заботы просветить Отечество науками». Вспомнив благодарными словами российских правителей, Шевырѐв особо останавливается на деятельности царствующего императора, который еще в 1826 г. пожелал «видеть в воспитанниках Московского университета прямо русских». И университет не только успешно насаждает науку в Отечестве, но и воспитывает «верных слуг государю и Отечеству»¹⁸⁴.

Несмотря на то, что граф С. С. Уваров уже с октября 1849 г. находился в отставке, концепция Шевырѐва, несомненно, была основана на учении о русской триаде «Православие. Самодержавие. Народность».

Торжества стали не только последним публичным выражением «русской триады», но и последним крупным событием николаевского царствования. Менее чем через два месяца, 2 марта 1855 г., потрясенный неудачами России в Крымской войне, неожиданно умирает император Николай I, а в августе, после героической осады, происходит падение Севастополя, повлекшее за собой поражение России. Начинает складываться новая официальная идейная концепция Российского государства, в которой все главные русские начала приобрели уже иной смысл и иную риторику, далеко ушедшую от охранительства и антизападничества графа Уварова и Шевырѐва.

Финал многолетней научной и преподавательской деятельности С. П. Шевырѐва в Московском университете оказался совсем не таким торжественным и почетным, как он заслуженно мог надеяться. 14 января 1857 г., на заседании Совета Московского художественного общества, в ходе обсуждения вопроса о строительстве железных дорог возник

¹⁸³ Шевырѐв С. П. История Императорского Московского университета... С. 468–470.

¹⁸⁴ Шевырѐв С. П. Обзорение 100-летнего существования Императорского Московского университета // Шевырѐв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 122, 125. «Наука возникла у нас... из прекрасного стремления Государей русских просветить отечество» (Шевырѐв С. П. История Императорского Московского университета... С. 301).

вопрос о возможных злоупотреблениях. Граф В. А. Бобринский, декабрист, аристократ, внук Екатерины Великой, стал ругать «русские порядки»: «А грабить — это по-русски». В ответ на возражения Шевырёва граф заявил: «Уж не защищайте. Все русское мерзко. Имя русского стало скверно». Шевырёв не стерпел открытого поношения Отечества и вступился за «честь Русского имени», завязалась потасовка, в результате которой пострадавшего Шевырёва отнесли домой на руках. В противостоянии с Бобринским он защищал одно из главных своих убеждений — русское воззрение, свою веру в Россию и в «русские начала». По приказанию императора Александра II граф В. А. Бобринский должен был отправиться в ссылку в свое родовое имение, а С. П. Шевырёв — во Владимир. «Он получил вскоре разрешение остаться в Москве вследствие болезни; но удар был нанесен прямо в сердце, и уже тогда должно было бояться за жизнь его»¹⁸⁵, — вспоминал Погодин в 1869 г.

Несправедливыми к поверженному Шевырёву оказались и некоторые из бывших соратников по русской партии. Так, бывшая сотрудница журнала «Москвитянин» поэтесса Е. П. Ростопчина посвятила ему фрагмент своей поэмы «Дом сумасшедших в Москве в 1858 г.», выразившей ее разочарование идеями славянофилов. Она написала: «Очистительною жертвой духу века принесен, / Видит он: теперь уж мертво / Все, что чтил, что славил он»¹⁸⁶.

Как свидетельствует Погодин, «Шевырёв поплатился за свою слишком горячую любовь к отечеству... Некому было за него заступиться: не было в живых ни Уварова, ни Протасова¹⁸⁷, ни князя Д. В. Голицына»¹⁸⁸. На профессора в отставке обрушиваются болезни. Он признавался друзьям: «Насильственное удаление от кафедры много расстроило мои силы. Живое слово мне необходимо»¹⁸⁹.

Тем не менее, и будучи насильственно удаленным из родного университета, «великий трудолюбец» продолжает свои ученые изыскания.

¹⁸⁵ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве... С. 378.

¹⁸⁶ Ростопчина Е. П. Дом сумасшедших в Москве в 1858 году // Русская старина. 1855. Т. XLV. Март. С. 689.

¹⁸⁷ Граф Николай Александрович Протасов (1798–1855) — обер-прокурор Святейшего Синода (1836–1855). Был женат на княжне Н. Д. Голицыной, дочери московского генерал-губернатора, князя Д. В. Голицына. По определению прот. Г. Флоровского, «Протасов был верным проводником Николаевских начал». (Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия... С. 203).

¹⁸⁸ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве... С. 377.

¹⁸⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 13. С. 383

Во второй половине 1850-х гг. он заканчивает свой главный труд «История русской словесности», выпустив в 1858 и 1860 гг. третью и четвертую части. «По целым дням сидел он в библиотеках Синодальной и Волоколамской, работая над рукописями», а за вышедшие тома «не слышал ни одного доброго слова», вспоминал Погодин¹⁹⁰. Вышедшие тома не встретили почти никакого положительного отзыва, кроме «противной брани». В письме к кн. П. А. Вяземскому от 14 апреля 1860 г. Степан Петрович писал: «Трудное моё дело, самое неблагодарное по текущему времени, но внутренний голос влечёт меня на это дело, и уж, конечно не успех наружный или расчет. Думаю, если я не сделаю, кому сделать? Нужна для этого особенная любовь к делу, особенный зов душевный, как у моих пустынных отходников, которых в XIV и XV столетиях звала к себе чудным звоном дебристая пустыня»¹⁹¹.

25 сентября 1860 г. С. П. Шевырёв с семейством выезжает из любимой «древней столицы». Провожавший его Погодин вспоминал: «Шевырёв был очень расстроен, и я, смотря на него с прискорбием, был уверен, что он не поправится и что я не увижу его более»¹⁹². В феврале и марте 1861 г. Шевырёв читает на итальянском языке курс из 15 лекций по истории русской словесности, которые ему удалось издать в 1862 г. сначала по-итальянски, а затем по-русски¹⁹³.

* * *

По иронии судьбы, последним пристанищем оказавшегося не нужным своему Отечеству русского национального мыслителя оказывается столь нелюбимый им Париж, куда он переезжает в феврале 1862 г. В январе 1864 г. С. П. Шевырёв начал читать здесь новый курс лекций о современной русской литературе, но из-за болезни вынужден был его прекратить.

Поэма «Болезнь», которую больной Шевырёв в 1862 г. диктовал своей дочери, представляет интерес не только как образец духовной христианской поэзии («Плоть немощна, но дух несокрушим»), но и как глубоко личное переживание мыслителя за Россию («Болящее отечество

¹⁹⁰ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве... С. 378.

¹⁹¹ Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырёва и М. А. Максимовича к П. А. Вяземскому. СПб., 1901. С. 171.

¹⁹² Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве... С. 378.

¹⁹³ Шевырёв С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году // Сборник Отд. русского языка и словесности. СПб., 1884. Т. XXXIII. № 5.

мое»). Поэт обращается к истории русского народа («рожденного богатырем»), устоявшего в испытаниях, и предупреждает о новых опасностях («Но вот соблазны новых искушений грозят тебе»), идущих со стороны Европы («Блестящий Запад много лжеучений...») и грозящих России новыми пожарами в руках западников-либералов («лихой черни писак»). Но русский народ в трактовке Шевырёва крепок своей верностью родным святыням («Крепись, народ! / Блюда свою святыню: / Тебе, принявшему закон святой, / Бог дал в семье и в Церкви благодатьню, / И этот дар ненарушимо твой»)¹⁹⁴. Через усвоение русского мира («Устрой свой мир внутри себя, Россия») для России возможно возвращение к делу освобождения славян, страдающих под гнетом Турции («сей Гарпии Востока»). Шевырёв ярко и образно обрисовывает современную геополитическую ситуацию, в которой России в новых условиях снова противостоит вся Европа во главе с «коварным Альбионом».

М. П. Погодин оставил воспоминания о последних неделях жизни своего друга по его письмам и беседам с родными. Он подчеркивает христианское отношение Степана Петровича к своей болезни и переживаемым страданиям: «На четвертой неделе поста, в понедельник, он исповедовался и приобщился св. Таин. <...> После причастия он сказал: „Теперь я готов, когда будет угодно Богу.“ Отец Иосиф с удивлением говорил о силе его веры, о христианском чувстве любви. Однажды он сказал: „Много курсов читал я в жизни; теперь читаю курс страданий моим детям! Если эти страдания послужат к очищению души моей, то да будет воля Божия.“ На короткое время почувствовав себя лучше, больной выразил желание вернуться на родину: „Я не могу здесь оставаться более. Так и тянет в Россию. Тоскую по ней и по всех вас на своем одре. Лишь бы Бог дал силы...“ В период улучшения в одном из последних писем к Погодину Шевырёв писал: „В июле наш отъезд в Москву решен. Стосковался. Авось родина вылечит...“¹⁹⁵.

В последние месяцы Шевырёв написал множество духовных стихов. Испытывая уже тяжелые физические страдания, он продиктовал следующие строки: «Когда состав слабеет, страждет плоть, / Средь жизненной

¹⁹⁴ Шевырёв С. П. Болезнь. Неизданная поэма С. П. Шевырёва // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/sh1.html> (дата обращения: 25.01.2016).

¹⁹⁵ Погодин М. П. Отрывок из воспоминания о С. П. Шевырёве, читанного в заседании Общества любителей Российской словесности, 17 Января 1865 г. // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/p/pogodin_m_p/text_1865_shevirev_olderfo.shtml (дата обращения: 25.01.2016).

и многотрудной битвы, / Не дай мне, мой Помощник и Господь, / Почувствовать бессилие молитвы!»¹⁹⁶.

Выдающийся русский мыслитель и ученый-патриот скончался в Париже 8 мая 1864 г. на 58-м году жизни. Похоронен он был в любимой им древней русской столице, на Ваганьковском кладбище. Ближайший друг и соратник Степана Петровича Михаил Погодин при получении известия о его смерти написал следующие строки: «На нас лежит долг искупить, хоть по смерти, часть той неправды, которой подвергся покойный Шевырѐв»¹⁹⁷. Сегодня эти слова звучат не менее актуально, чем 150 лет назад.

В данной статье мы постарались очертить облик Шевырѐва как русского национального мыслителя, одного из главных выразителей «православно-русского» направления в отечественной философии, обозначить важнейшие идейные истоки, повлиявшие на становление его самосознания.

Созданный его недоброжелателями образ «Швырки», реакционера, чинопоклонника и педанта, почти на полтора столетия заслонил другой образ — «великого трудолюбца», оригинального поэта, выдающегося мыслителя и ученого, создавшего новую науку: «историю российской словесности», ведущего теоретика «православно-русского» направления.

В заключение хотелось бы привести высказывание С. П. Шевырѐва из его письма от 27 марта 1856 г. к кн. П. А. Вяземскому, в котором он повествует о своей борьбе с отрицателями православно-русского духа, утверждающими, что «русского воззрения в науке и искусстве и быть не может, а должно существовать одно европейское». Отстаивая самобытность русской мысли, Шевырѐв сетует, что «мы, т.е. Университет, стоим под опекой Корша, который не позволяет нам сметь думать о внешности русского воззрения в науку и искусство». Однако мыслитель верит в торжество православно-русских начал: «Но будем надеяться, что русский дух устоит, несмотря на все препятствия, какие ему полагаются»¹⁹⁸.

Источники и литература

1. Аксаков К. С. Воспоминание студентства 1832–1835 гг. // Русское общество 1830-х гг.: Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 312–334.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырѐве... С. 379.

¹⁹⁸ Шевырѐв С. П. Науки жрец и правды воин!.. С. 286.

2. Алексеева Е. Д. С. П. Шевырѐв в общественной жизни дореформенной России. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2006.
3. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.
4. Белинский В. Г. Литературные мечтания // Молва, 1834. Ч. VIII (I). № 38. С. 173–176; Электронный вариант: «Литература и жизнь». URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinskiy_lit_michtan.html (дата обращения: 25.01.2016).
5. Белинский В. Г. Педант. Литературный тип // Шевырѐв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 327–334.
6. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Томск, 1996.
7. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.
8. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета 1755–1855 г. М., 1855.
9. Буславев Ф. И. Мои воспоминания // Шевырѐв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 354–356.
10. В. Г. Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848). Комм. Л. Р. Ланской // Литературное наследство. Т. 56: В. Г. Белинский. Ч. II. М., 1950.
11. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.
12. Гаврилов И. Б. «Философия воспитания» С. П. Шевырѐва // Педагогический дискурс в литературе. Выпуск 9. Материалы девятой всероссийской научно-методической конференции. СПб., 2015. С. 101–102.
13. Герцен А. И. Не наши // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: Антология. 2-е изд. СПб., 2009. С. 134–151.
14. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2: Статьи и фельетоны 1841–1846. Дневник 1842–1845. М., 1954; Электронный вариант: Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0400.shtml (дата обращения: 25.01.2016).
15. Дурылин С. Н. С. П. Шевырѐв и Гёте // Литературное наследство. Т. 4/6. М.; Л., 1932. С. 450–476.
16. Зильберштейн И. С. Аполлон Григорьев и попытка возродить «Москвитянин» (накануне сотрудничества в журнале «Время») / Публикация и комментарии Л. Р. Ланского // «Литературное наследство». Т. 86. М.: Наука, 1973; Электронный вариант: Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0480.shtml (дата обращения: 25.01.2016).
17. Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст–1989. М., 1989. С. 5–41.
18. Каменский З. А. Московский кружок Любомудров. М., 1980.

19. *Киреевский И. В.* Обзорение русской словесности 1829 года // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М., 1979. С. 55–79.
20. *Киреевский И. В.* Публичные лекции профессора Шевырёва об истории русской словесности, преимущественно древней // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М., 1979. С. 206–210.
21. *Кн. Сергей Волконский.* О декабристах. По семейным воспоминаниям // Электронная библиотека Fantasy Read. URL: <http://fanread.ru/book/3594284/?page=9> (дата обращения: 25.01.2016).
22. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Шевырёв и Винкельман: (Статья вторая) / К. Ю. Лаппо-Данилевский // Русская литература. СПб., 2002. № 4. С. 61–88.
23. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Шевырёв и Винкельман: (Статья первая) / К. Ю. Лаппо-Данилевский // Русская литература. СПб., 2002. № 2. С. 3–27.
24. *Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши». Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. М., 2001. С. 54–105.
25. *Маймин Е. А.* Еще о Пушкине и «Московском Вестнике» // Пушкинский сборник. Псков, 1968.
26. *Манн Ю. В.* Молодой Шевырёв // *Манн Ю. В.* Русская философская эстетика. М., 1969. С. 149–190.
27. *Маркович В. М.* Уроки Шевырёва // *Шевырёв С. П.* Об отечественной словесности. М., 2004. С. 8–56.
28. *Мартынов В. А.* У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С. П. Шевырёва. М., 2013.
29. *Медовой М. И.* «Вечно обязан Риму» // *Шевырёв С. П.* Итальянские впечатления. СПб., 2006. С. 5–46.
30. *Никитенко А. В.* Записки и дневник: в 3 т. Т. 1. М., 2005.
31. О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.
32. *Одоевский В. Ф.* Секта идеалистико-элеатическая // Вневитинов Д. В. и Любомудры. М., 2010. С. 327–339.
33. *Парсамов В. С.* «История императорского Московского университета» С. П. Шевырёва: исторический нарратив в политическом контексте: препринт WP6/2013/04 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
34. *Парсамов В. С.* Дмитрий Владимирович Вневитинов и кружок Любомудров // Вневитинов Д. В. и Любомудры. М., 2010. С. 5–74.
35. *Парсамов В. С.* Шевырёв Степан Петрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.: энциклопедия. М., 2010. С. 577–580.

36. Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. / Сост. и коммент. А. А. Карлова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 282–367.
37. Песков А. М. Германский комплекс славянофилов // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 105–120.
38. Песков А. М. У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // Вопросы философии. М., 1994. № 5. С. 89–111.
39. Песков А. М. У истоков философствования в России: Русская идея С. П. Шевырёва // Новое литературное обозрение. М., 1994. № 7. С. 123–139.
40. Петров Ф. А. С. П. Шевырёв — первый профессор истории российской словесности. М., 2005.
41. Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырёва и М. А. Максимовича к П. А. Вяземскому. СПб., 1901.
42. Погодин М. П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 356–380.
43. Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: Антология. 2-е изд. СПб., 2009. С. 395–423.
44. Погодин М. П. Отрывок из воспоминания о С. П. Шевырёве, Читанного в заседании Общества любителей Российской словесности, 17 Января 1865 г. // Русский архив. Год третий (1865). Изд. 2-е. 1866. Стб. 1261–1269; Электронный вариант: Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/p/pogodin_m_p/text_1865_shevyrev_oldorfo.shtml (дата обращения: 25.01.2016).
45. Погодин М. П. Петр Великий // Погодин М. П. Избранные труды. М., 2010. С. 229–244.
46. Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925; Электронный вариант: Электронная библиотека Республики Карелия. URL: <http://elibrary.petrstu.ru/book.shtml?id=249> (дата обращения: 25.01.2016).
47. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Письма 1815–1830. М., 1962.
48. Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. 4-е изд. СПб., 1909.
49. Ратников К. В. С. П. Шевырёв и русские литераторы. Челябинск, 2003.
50. Ратников К. В. Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Поречье (Идеологическая стратегия графа С. С. Уварова и его единомышленников). Челябинск, 2006.
51. Рогов К. Ю. К истории «московского романтизма»: Кружок и общество С. Е. Раича // Лотмановский сборник. М., 1997. Т. 2. С. 523–577.
52. Ростопчина Е. П. Дом сумасшедших в Москве в 1858 году // Русская старина. 1855. Том XLV. Март.
53. Русское общество 40–50-х годов XIX в. [/ ред. Н. И. Цимбаев]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. Ч. 1: Записки А. И. Кошелева.

54. Сакулин Н. П. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1. Ч. 1.
55. Соколов Ю. М. Грановский и Шевырёв // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 212–216.
56. Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 380–382.
57. Струве П. Б. С. П. Шевырёв и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом» или «гниющем» Западе. Изыскания, сопоставления и материалы // Записки русского научного института в Белграде. Белград, 1940. Вып. 17. С. 201–263.
58. Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II.
59. Тихонравов Н. С. Памяти Степана Петровича Шевырёва, произнесено в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1865 года исправляющим должность адъюнкта Николаем Тихонравовым // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 382–390.
60. Уваров С. С. Отчет по обозрению Московского университета // Уваров С. С. Избранные труды. М., 2010.
61. Уваров С. С. Обозрение действий правительства за истекшее пятилетие // Журнал министерства народного просвещения. 1839. № 1.
62. Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: Антология. 2-е изд. СПб., 2009.
63. Филькина Е. Ю. «Великий трудолюбец» // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 5–40.
64. Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991.
65. Цветкова Н. В. О русской идее С. П. Шевырёва // Вестник Псковского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 5. С. 46–59.
66. Цветкова Н. В. С. П. Шевырёв — критик, историк, теоретик литературы (1830-е годы). Псков, 2008.
67. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007.
68. Шевченко М. «Каждый Русский должен служить Престолу». С. С. Уваров. (Часть I) // «Западная Русь». URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/714-l-r-i.html> (дата обращения: 25.01.2016).
69. Шевырёв С. П. 27 марта 1849 года в Кремле // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин!..
70. Шевырёв С. П. Болезнь. Незданная поэма С. П. Шевырёва / подг. текста, вступ. ст. и примеч. Л. И. Соболева // Новое литературное обозрение. 2004. № 69.

«Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/sh1.html> (дата обращения: 25.01.2016).

71. Шевырёв С. П. Взгляд русского на современное образование Европы // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 171–222 (также: Москвитянин. 1842. № 1. С. 219–296).

72. Шевырёв С. П. Вступление в педагогию. Первые две лекции // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 314–336.

73. Шевырёв С. П. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 288–309.

74. Шевырёв С. П. Дант и его век. Исследование о Божественной комедии // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 81–110.

75. Шевырёв С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики С. Шевырёвым. 1755–1855. М., 1855 (Репр. изд.: М., 1998).

76. Шевырёв С. П. История поэзии // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 111–132.

77. Шевырёв С. П. История поэзии. Фрагменты // Шевырёв С. П. Об отечественной словесности. М., 2004. С. 110–128.

78. Шевырёв С. П. История русской словесности, преимущественно древней // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 79–98.

79. Шевырёв С. П. Итальянские впечатления / Вступительная статья, подготовка текста, составление и примечания М. И. Медового. СПб., 2006.

80. Шевырёв С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 350–550.

81. Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009.

82. Шевырёв С. П. О критике вообще и у нас в России // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 54–67.

83. Шевырёв С. П. Обзорение русских журналов в 1827 году: «Московский телеграф» // Московский вестник. 1828. Ч. VIII. № V. С. 101–105.

84. Шевырёв С. П. Обзорение русской словесности за 1827 г. // Шевырёв С. П. Об отечественной словесности. М., 2004. С. 81–85.

85. Шевырёв С. П. Обзорение 100-летнего существования Императорского Московского университета // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 121–134.

86. Шевырёв С. П. Общее обзорение развития русской словесности // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 146–170.

87. Шевырёв С. П. Отголоски. О новом происхождении имени Славян и Славянофилов // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 310–313.

88. Шевырёв С. П. Публичные лекции по истории средних веков г. Грановского. Письмо в губернию // Москвитянин. 1843. № 12. С. 521–530.
89. Шевырёв С. П. Разговор о возможности найти единый закон для изящного // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 71–80.
90. Шевырёв С. П. Русский праздник, данный в присутствии их императорских величеств 9-го и 11-го апреля // Шевырёв С. П. Науки жрец и правды воин! / Сост., вступ. ст., путеводитель, коммент. Е. Ю. Филькиной. М., 2009. С. 109–112.
91. Шевырёв С. П. Словесность и торговля // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 133–145.
92. Шириняц А. А. Степан Петрович Шевырёв // Шевырёв С. П. Избранные труды. М., 2010. С. 5–67.
93. Языков Н. М. Свободомыслящая лира. М., 1988.
94. Udolf Ludger. Stepan Petrovic Ševyrev (1820–1836). Ein Beitrag zur Entstehung der Romantik in Rußland. Bohlau Verlag. Köln; Wien, 1986.